

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

☞ ЭНТОНИ ☜

ГИЛБЕРТ

.....

БУДИЛЬНИК
В ШЛЯПНОЙ КАРТОНКЕ

.....

КОЛОКОЛ СМЕРТИ

Золотой век английского детектива

Энтони Гилберт

**Будильник в шляпной картонке.
Колокол смерти (сборник)**

«АСТ»

1939

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Гилберт Э.

Будильник в шляпной картонке. Колокол смерти (сборник)
/ Э. Гилберт — «АСТ», 1939 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-089849-7

Зачем Ричард Арнольд, один из двенадцати присяжных, спас от виселицы Виолу Росс, красавицу, небезосновательно обвиняемую в убийстве своего пожилого мужа? Зачем принялся одержимо доказывать, что его убил сын от первого брака, которого тот грозил лишить наследства? И наконец, какое отношение сам Арнольд имеет к еще двум таинственным смертям? Артур Крук, адвокат Арнольда, решает любой ценой распутать эту цепочку преступлений... Умолк колокол старинной церкви, веками призывавший прихожан к утренней службе... А несколько часов спустя в ризнице был обнаружен труп загадочного незнакомца. Косвенные улики указывают на то, что убийство совершил церковный звонарь. Однако у Артура Крука имеются большие сомнения в том, что этот тихий семьянин, питающий слабость к домашним растениям, – настоящий преступник. Но кто же тогда убийца? И что – или кого – видел случайно оказавшийся поблизости юный служка?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089849-7

© Гилберт Э., 1939

© АСТ, 1939

Содержание

Будильник в шляпной картонке	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Энтони Гилберт

Будильник в шляпной картонке

Колокол смерти

Anthony Gilbert

THE CLOCK IN THE HAT BOX

THE BELL OF DEATH

Печатается с разрешения литературных агентств Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Серия «Золотой век английского детектива»

© Lucy Beatrice Malleson, 1939

© Перевод. Э. Д. Меленевская, 2015

© Перевод. Н. А. Анастасьев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Будильник в шляпной картонке

Глава 1

Судья давал свои последние наставления:

– Таким образом, господа присяжные заседатели, приговор ваш зависит от ответа на следующий вопрос: кто именно положил часы в шляпную картонку? И если вы без малейшего колебания убеждены в том, что это была подсудимая, вам остается только признать ее виновной. Но если у вас будет на сей счет хоть крупица сомнения, мой долг напомнить вам, что, согласно английскому законодательству, подсудимый может быть признан виновным в совершении того преступления, за которое его судят, исключительно на основании вашего полного в этом отношении и безусловного единодушия. Следовательно, если единодушия в этом вопросе у вас не возникнет, вы должны будете подсудимую оправдать.

По обыкновению, судья добавил, что, если при рассмотрении приговора нам понадобится какая-либо помощь с его стороны, он в нашем распоряжении, после чего мы поднялись с мест и вышли.

Дело было долгое и неблагоприятное. Женщину, сидевшую на скамье подсудимых, мы все знали. Она жила меж нас с тех пор, как одиннадцать лет назад вышла за покойного замуж. В таком маленьком городке, как наш, человек всегда на виду. Мы немало осведомлены о состоянии дел каждого, а сплетничаем и того больше. Виола же Росс особа была такая, что поневоле засплетничаешь. Двадцати трех лет она вышла замуж за человека вдвое себя старше, вдовца с сыном-школьником. Когда Эдвард Росс, отправившись навестить больную сестру, вернулся с Виолой, мы прямо рты пораскрывали. В голове не укладывалось, каким чудом он умудрился завоевать такую женщину, как она. Маленький, тощий, с редкой порослью седоватых волос над высоким костлявым лбом, помимо умения, надев два раза костюм, придать ему вид мешковатого и изношенного, он был крайне рассеян, что делало его предметом шуток, не всегда дружелюбных. Она же, полногрудая и золотоволосая, принадлежала к тому типу красоток, который выделяли и воспевали прерафаэлиты. Разойдясь с ней на улице, ты оборачивался, чтобы взглянуть еще раз, и думал о Виоле долго после того, как она исчезала из виду. Признаюсь, когда я увидел ее на скамье подсудимых, у меня дрогнуло сердце. Было в ней что-то отчаянно живое, настоящее. Я даже подумывал иногда, грешным делом, какая роскошная куртизанка вышла бы из нее, родись она в другом мире, в другое время.

В общем, в таком городишке, как Марстон, не привлечь к себе внимания, не вызвать сплетен она никак не могла. Помню, веснушчатая физиономия Росса буквально лучилась от гордости, когда они вернулись из трехдневного свадебного путешествия. Я как раз проходил мимо. Он, выбравшись из машины, стоял на тротуаре, чтобы подать жене руку, а она только повела глазами, принимая мое восхищение, восхищение любого, если на то пошло, как естественную, причитающуюся ей дань.

Понятное дело, дамский пол сразу ее невлюбил, в отличие от мужчин; с красавицами вроде Виолы так и бывает. Женщины поглядывали на нее искоса и в ее присутствии крепче подхватывали под руку своих благоверных напоказ. А вот мужчины, те для нее готовы были в лепешку разбиться.

Поразительным образом никто из нас не знал, чем она весь день занимается. Да она как-то ничем особо не занималась. Не играла в бридж, хотя, с другой стороны, Эдвард не играл тоже, да и не поощрял никаких увлечений, которые могли бы выманить ее из «Лавров», когда он был дома. Не играла она ни в гольф, ни в теннис, даже машину водить не умела,

но никогда бы ты не подумал, что она бездельница или скучает. Похоже, ей хватало того, что она просто есть. Отрадой ее была музыка, и, подозреваю, в музыке она изживала все разочарования, которые выпали ей за семейную жизнь. Ибо жизнь эта была пуста. Детей у них не было; сын Эдварда, Гарри, приезжал только на каникулы и то не всегда. Эдвард хвастал, что всего лишь раз в жизни ходил в кино, и ему не понравилось. Танцевать он так и не научился, хотя она, если представлялся случай, танцевала прекрасно. Короче говоря, он напоминал зверушку, которая живет в норке и каждый промельк света воспринимает как великое приключение.

Эдвард, когда женился, да и в момент смерти тоже, служил учителем математики в школе Святой Хилари, довольно известной в округе. На досуге любил играть в шахматы, решать кроссворды и составлял для младших классов задачник, который не успел завершить. Первое время после свадьбы он демонстрировал жену с той же гордостью и застенчивым бахвальством, с каким, наверное, носил бы в петлице орхидею, но потом, видимо, попривык.

Гарри Росс, которому на момент женитьбы отца было, надо полагать, лет девяносто, до восемнадцати, когда пришла пора поступать в колледж, с мачехой встречался нечасто. Уродился он скорее всего в свою мать, ничего от Эдварда в нем не было – высокий смуглый парень с шелковистой шевелюрой, горящими глазами и избытком энергии. Я вскоре заметил, что Виола оказывает на него то же действие, что и на большинство мужчин. Рядом с ней ему было не по себе, но она его завораживала.

На момент смерти Эдварда Росса в «Лавры» была вхожа его секретарша, Айрин Кобб, неприглядная, но толковая и благонравная особа лет тридцати. Найти людей, более между собой несхожих, чем Виола и Айрин, право, было бы непростой задачей. Айрин, истовая и восторженная, восхищалась всем, что бы Эдвард ни сделал, и чувствовала себя польщенной, когда после основной службы ее приглашали почти задаром поработать над учебником, над которым учитель корпел все свободное время.

С Гарри Айрин попыталась установить что-то вроде сестринских отношений. Даже как-то назвала его «старина». Я знаю об этом, потому что он со мной поделился. «Твой отец, старина, когда-нибудь будет тобой ужасно гордиться», – сказала она ему.

«Намекала, что и она состоит в гареме», – брезгливо уронил Гарри. И я в общем-то склонен с ним согласиться. Жизнь мисс Кобб чувствами была небогата. Вне службы она преданно дружила с одной-двумя подругами и посещала любительский театральный кружок. Кстати, именно там я с ней познакомился. Актерского дарования она была лишена и сама во всеуслышание сей факт признавала, но это ничуть не мешало Айрин играть второстепенные роли, деятельно участвовать в репетициях и вообще быть на подхвате.

Поразительно, если подумать, какой тихой умела казаться Виола Росс. При всей ее яркости и жизненной силе она сливалась с окружением, как серая куропатка растворяется на фоне палой листвы, делаясь совершенно невидимой. И хотя обедать Эдвард всегда приходил домой и, сколько она его ни выманивала, вечерами они сидели дома, все равно свободного времени у нее было вдоволь.

Ее личная жизнь вызывала в городе наиострейший интерес. Никто не верил, что Эдвард способен ее удовлетворить, особенно когда пять лет спустя после свадьбы у него начались проблемы с сердцем и он переселился в отдельную комнату. Виола между тем часто ездила в Лондон на концерты, и блюстители нравственности находили, что как-то это все странно. Но никто, ни один человек не мог упрекнуть ее в том, что она нарушает свои супружеские обязанности.

Первые признаки разлада проявились, когда в прошлом году Гарри приехал на каникулы. Ему должно было исполниться двадцать один, и по-своему он был экземпляр особенный, под стать Виоле. Он перебудоражил весь дом. Злился на отца и его порядки, упрекал

в привычке рано вставать, в скарденности, в отсутствии в доме гостей, вообще в том, как тускло, серо и скучно устроен быт. Мало того, он огорошил мистера Росса тем, что передумал становиться учителем. Лучше уедет за границу и хлебнет, что называется, жизни как она есть. На что Эдвард ответил не без резону, что на сей счет следовало подумать прежде, чем поступать в колледж, обучаясь в котором Гарри успел пустить на ветер целую кучу денег.

– Я же не знал, что мне там не понравится! – воскликнул Гарри.

– У тебя три года ушло, чтобы это понять.

– Да нет, я думал, надо же все-таки получить диплом...

Представляю, как фыркнул на этих словах Эдвард.

– В самом деле, диплом!

– Да, диплом – это то, что называется «джентльменский минимум». – Гарри за ответом в карман не лез.

Эдвард был оскорблен и не скрывал этого. Весь город следил за тем, как назревает скандал, и положение только ухудшилось, когда Виола решительно встала на сторону пасынка:

– Нельзя принуждать его делать то, что ему не по сердцу. Это все равно что перерезать ему горло.

– Ну что за вздор! – Я прямо вижу, как вскипел, услышав это, Эдвард. – Учительство – отличное, достойное дело...

– У него всего одна жизнь, – сверкнув глазами, бросила ему Виола.

– Ты что же, стоишь за моего сына против меня?

– Я хочу предотвратить дело злое и несправедливое.

– Ты хочешь сказать, что я враг своему сыну?

– У тебя есть власть, да, но нельзя заставить человека делать то, что ему не нравится. Это ужасно... Понимаешь, это так непоправимо просто – принять неправильное решение, и очень опасно, потому что, как только ты его примешь, тебе придется держаться его всегда.

Вряд ли Эдвард в полной мере отдавал себе отчет в том, к чему приведет этот разговор. Брак как институт вообще держится именно на армии равнодушных, нечутких мужей. Человек более внимательный давно бы заметил, что Виола о своем замужестве сожалеет. Но Эдвард нет, Эдвард ничего такого не предполагал. Если разговор этот как-то его задел, то только в одном отношении. То, что Виола встала на защиту пасынка, возбудило в нем подозрения. Он вообразить не мог, как это женщина идет против мужа, вступается за мальчика, который ей даже не сын; это казалось ему неправдоподобным. И поскольку, как я уже говорил, городок наш из тех, где слухи циркулируют свободно, вскоре мы узнали, что Эдвард решил снова перебраться в спальню жены.

Разрыв между отцом и сыном разрастался. Перед своим двадцать первым днем рождения Гарри уехал в Лондон, чтобы попробовать себя на журналистской ниве. От матери ему осталось содержание в несколько фунтов в год. Иногда он что-нибудь продавал и в общем как-то справлялся с материальными трудностями, но, разумеется, жизнь его очень изменилась после многих лет сравнительного процветания, потому что Эдвард, каков бы он ни был, в обычных обстоятельствах денег на сына никогда не жалел.

Примерно в это же время мистер Росс стал подозревать Виолу. Проверял ее письма, подробно выпрашивал обо всех передвижениях за день, даже телефонные разговоры пытался подслушивать. Объявил, что большой штат прислуги им ни к чему, и из всех слуг оставил только старую горничную Марту, отличавшуюся кислым выражением лица, она стала за экономку, и служанку, которая приходила с утра и в девять вечера уходила. Короче говоря, превратился в настоящего домашнего тирана из тех, какими становятся только такие, как он, «маленькие люди». И когда ситуация достигла своего пика, стала чрезвычайно острой, Эдвард вдруг отдал концы.

Глава 2

Глядя на лица присяжных, я пытался понять, как они представляют происходящее. Сам-то я чувствовал, что несправедливо перечеркивать существование такой женщины, что бы она ни натворила. Так прекрасна она была, так ярка, так полна жизненных сил, что даже после заключения, после всего, что довелось вынести, ибо обвинитель не избавил ее ни от одного из мыслимых унижений, источник ее энергии не иссяк. После трех дней процесса, когда косвенно или впрямую ей вменили добрую половину всех преступлений, какие только числятся за людьми, оставалась она уверенной в себе, спокойной, невозмутимой. Казалось, даже смертный приговор не нарушит ее душевного равновесия.

Некоторые из коллег моих выглядели сбитыми с толку, обеспокоенными, и, надо думать, причин тому было много. От ответственности, которую накладывает решение приговорить человека к смерти, поежится даже самый бесстрашный; других привели в замешательство улики; были и те, чьи мысли я видел столь ясно, как будто они золотые рыбки, мечущиеся в аквариуме. Думали же они о том, что не так давно Росс был точно таким, как они сами, ходил себе на работу, слушал по вечерам радио, ворчал по поводу подоходного налога и роста цен на бензин, жил с женой в таком же примерно доме, в каком живут и они, а теперь он гниет в могиле, а улики настойчиво указывают на то, что миссис Росс приложила к этому руку. От этой мысли у них мороз шел по коже, у этих самодовольных женатых мужчин, привыкших безраздельно властвовать над чадами и домочадцами. Она заставила их понять, что даже самый решительный и волевой из них отнюдь не Господь Всемогущий, что смерть может прятаться и под невинным обличем. Причем греховные жены, усмехнулся я про себя, вносят свой положительный вклад в жизнь общины, вклад, который идет во благо тем дамам, что сурово греховных жен осуждают, хотя дамы, скажи им кто такое, никогда с этим не согласятся.

Моррисон, старшина присяжных, из тех тучных мужчин, которые непогоду не переносят, рухнул на стул и промокнул платком лоб.

– Фу! – выдохнул он. – Ну и дельце! Я считаю, лет на пять вперед мы свой долг перед правосудием выполнили!

– Так вы думаете, это она сделала? – пискнул седенький старичок, похожий на дряхлую птицу. Мы все хорошо его знали, он держал лучший книжный магазин в городе и всегда рекомендовал посетителям мои романы.

– Господи, старина, вы же не думаете, что я вам вот так прямо и ответу, верно? Надо сначала обсудить улики, отделить зерна от плевел... – Моррисон любил вставить в разговор цитату из Библии. – А потом все выскажутся по очереди, у кого какие соображения. И прошу всех иметь в виду, что на кону – жизнь женщины...

– Гнусное это дело – повесить женщину, – пробормотал Чалмерс.

– А убитый? Что? Про него все забыли? – ледяным тоном встряла в разговор дама-присяжная. – Что бы ни случилось с этой особой, она сама навлекла на себя беду, в то время как покойный – несчастная жертва!

– Прямо скажем, – вмешался еще кто-то, – сомнительная характеристика кому угодно, сделать жизнь в доме невыносимой до того, что жене вздумается мужа убить. Ну, если считать, что она виновна...

Тут мы вышли на еще один поворот темы, но Моррисон положил этому конец. Поднявшись с места, он заявил:

– Послушайте, так мы ни к чему не придем. Не наше дело толковать здесь о том, были у нее любовники или нет. Если были, это ее не красит и, конечно, предосудительно, но по

закону не наказуемо. Наше дело – решить, задушила она Эдварда Росса в ночь на четвертое апреля или же нет.

– А разве обвинение установило, что миссис Росс имела любовника или любовников? – вмешался я. – На мой взгляд, нет, обвинению это не удалось. Сама она такое предположение отвергает, и никаких улик не предъявлено в поддержку этой идеи. Тот факт, что она часто ездила в Лондон в одиночку, ни о чем не говорит.

– Мы знаем, что мистер Росс ее подозревал.

– Помогай Господь женщинам, если это можно предъявить как улику!

Тут Моррисон снова призвал нас к порядку:

– Рассматривать дело следует на основании улик, оставив домыслы в стороне. Нам и без них работы невпроворот.

Процесс широко освещался в прессе, ведь дам калибра миссис Росс не так часто обвиняют в убийстве. Характер подсудимой и обстоятельства дела привлекли большой интерес. Представитель обвинения, обладатель хищной фамилии Хокс¹, вполне ей соответствовал, он вытащил на свет божий все, что только можно пустить в ход против несчастной женщины.

– Миссис Росс, не расскажете ли суду, где вы познакомились со своим мужем?

– Я служила тогда компаньонкой и сиделкой при его сестре, миссис Уайт.

– Как долго вы у нее служили?

– Около десяти месяцев.

– Насколько я знаю, как раз в тот момент вам предложили уволиться?

– Да.

– Не поделитесь ли с судом, почему?

Защитник Виолы Росса заявил протест, но судья протеста не принял.

– Миссис Уайт сказала, что подыскивает другую сиделку.

– Она объяснила вам свои резоны?

– Нет, больше она ничего не сказала.

– А разве дело было не в неприятностях, связанных с вашим поведением по отношению к мистеру Уайту?

Защитник Макнейл запротестовал снова, и на этот раз судья с ним согласился. Хокс изменил постановку вопроса:

– А если бы миссис Уайт не известила вас, что намерена с вами расстаться, вы бы остались?

– Да, пока не подвернулось бы что-то получше.

– Значит, вы не собирались покинуть пост по собственной воле?

– Нет.

– И на примете у вас ничего не было?

– Когда мистер Росс приехал, миссис Уайт как раз известила меня, что через две недели я могу быть свободна.

– А вам было куда пойти, если бы к моменту увольнения не удалось найти новое место работы? У вас есть близкие родственники или друзья?

– Мне следовало найти новое место.

– Соболаговолите ответить на мой вопрос.

– Близких родственников у меня нет. Мои родители умерли, когда я была ребенком.

– А другая родня?

– Никакой, к которой можно бы обратиться.

– Совсем никакой?

– Только тетка.

¹ Hawk – сокол, ястреб (англ.).

- И вы не могли прибегнуть к ней даже в случае острой нужды?
- Мы в не очень хороших отношениях.
- Правда ли то, что она велела вам не приближаться к ее дому?
- Я в любом случае этого бы не сделала.

Хоксу хватило ума на этом остановиться. Он ведь уже добился своего, создал у присутствующих впечатление, для подсудимой весьма неблагоприятное.

– Значит, на тот момент, когда вы познакомились с мистером Россом, в положении вы находились безвыходном? Денег у вас, насколько я понимаю, было немного?

- Денег у меня совсем не было.
- А мистер Росс сразу сделал вам предложение?
- Через неделю.
- И вы сразу ответили согласием?
- Я попросила сутки, чтобы подумать.
- И после этого приняли его предложение?
- Да.

Хокс наклонился в ее сторону:

– Но почему, миссис Росс? Он был вдвое вас старше. Не из тех, кто может понравиться молодой женщине. Он жил тихо и скромно. Вы же были молоды и полны сил. Неужели вы хотите, чтобы суд поверил, что вы влюбились в джентльмена средних лет, неприметной внешности, с которым и знакомы-то были всего несколько дней?

- Я вышла за него потому, что хотела этого, и потому, что этого хотел он.
- Потому что выбора у вас не было! Либо брак, либо голод.
- Выбор у меня был.
- Но из всех имеющихся вариантов этот был самым приемлемым?
- Можно сказать и так.

– Понятно. – Хокс откинул голову и выпятил нижнюю губу. – А теперь, миссис Росс, я хотел бы, чтобы вы дали ответ на несколько вопросов касательно вашей семейной жизни. Вы состояли в браке в течение одиннадцати лет. Как, на ваш взгляд, можно охарактеризовать ваш брак? Как счастливый?

- Пожалуй, я бы назвала его средним.

Хокс со значением повернулся к присяжным.

- Вы хотите, чтобы суд поверил, что у вас был самый обычный брак?
- Да, по большей части так оно и было.

– О! По большей части? Правильно ли я понимаю, миссис Росс, что ваши отношения с мужем были такими же, как у любой супружеской пары?

- Ко времени его смерти да.
- Но так было не всегда?

– В первые пять лет отношения были обычные; потом сердечная болезнь мужа обострилась настолько, что по настоянию врача он переехал в отдельную комнату. Но в последнее время мы стали жить, как раньше.

- Следует ли из этого, что его здоровье поправилось?
- Он не обращался к врачу по этому поводу.
- Но сам он чувствовал, что ему лучше?
- Вероятно.
- Более определенного ответа вы дать не можете?
- Он не обсуждал со мной ситуацию. Просто сказал, что он этого хочет.
- И вы согласились?
- Да.

Она произнесла это с заминкой, и, думаю, не я один из присяжных почувствовал себя неловко. Хокс попросил ответить развернуто.

– На мой взгляд, это было немного странно после такого долгого перерыва, но, поскольку он был настроен решительно, я, да, согласилась.

– И ваши отношения с мужем оставались вполне дружескими до самой его смерти?

– Я бы так не сказала. Он не простил меня за то, что я приняла сторону его сына.

– Насколько я знаю, он поставил вам условие, запретил видеться с Гарри Россом.

– Да.

– И вы это условие соблюдали?

– Не вполне.

– Как? Вы хотите сказать, что виделись с пасынком?

– Время от времени.

– Несмотря на запрет мужа?

– Я не могла допустить, чтобы муж подчинил меня полностью. Мальчик очень молод, и средств у него почти нет.

– Должен ли я понимать это так, что вы снабжали пасынка деньгами?

– Раз или два.

– Помнится, вы сообщили суду, что своих средств у вас нет?

– Это так.

– Значит, те деньги, которые вы передавали Гарри Россу, по существу, принадлежали его отцу?

– Гарри – его сын.

– Отец не обязан содержать сына, когда тот достигнет совершеннолетия, если сын действует вопреки пожеланиям отца.

– На мой взгляд, нельзя допустить, чтобы деньги разрушили жизнь человеку.

– Разрушить – это не слишком сильное слово, миссис Росс?

– Для трагической ситуации нет.

– Вы хотите сказать, что Гарри Россу в самом деле грозила опасность?

– Да, если бы он не добыл немного денег. Я ведь могла снабдить его совсем небольшой суммой.

– А вам не кажется, что это было нелояльно по отношению к вашему мужу?

– Полагаю, как его жена, я заработала то небольшое, что могу потратить по своему усмотрению.

– И вы сочли нужным отдать это небольшое Гарри Россу?

– Я уже объяснила вам, почему я так сделала.

– Разве, миссис Росс? Вы сказали всего лишь, что он молод и находится в начале пути.

Однако многие из нас ответили бы на это, что молодым людям свойственно стремление к независимости.

– Обстоятельства, при которых он рос, не давали ему возможности подготовиться к тому, что он окажется вдруг без денег. Отец всегда выплачивал ему достаточное содержание.

– Значит, вы подтверждаете, что отец относился к нему хорошо?

– Да, пока Гарри вел себя так, как от него ожидалось.

– Вы считали правильным оказывать ему помощь, когда он отступил от предначертанного ему пути?

– Если бы я так не считала, я бы ему не помогла.

– Понимаю. И что же, миссис Росс, судя по всему, ваш муж узнал о том, что вы помогаете его сыну?

– Да.

– Как это произошло?

- Гарри написал мне письмо с просьбой о деньгах.
- Написал? Вам?
- Я предупредила его, что если возникнет нужда, то лучше написать мне.
- И его не смущало то, что он принимает деньги от вас?
- Я объяснила ему, что отец даст скорее мне, чем ему.
- И он вам поверил?
- Но почему же нет?
- Это не ответ на мой вопрос, миссис Росс.

Тут судья склонился к ней и спросил, не желает ли она несколько минут отдохнуть. Она уже долгое время давала показания: сначала защитник Макнейл излагал суть дела подробно и неторопливо, а теперь ее поджаривал на медленном огне Хокс, он был мастером этого дела. Судья хотел дать Виоле передышку, но, поблагодарив его, она сказала, что готова продолжить, и, на мой взгляд, поступила разумно: присяжные ей сочувствовали, их, так же как и меня, раздражал Хокс. А потом она ответила на вопрос обвинителя:

- Конечно, он мне поверил.
 - Но вы между тем не стали обращаться к супругу с просьбой о деньгах?
 - Это было бы бесполезно.
 - Вы сообщили об этом пасынку?
 - Нет. Тогда бы он не принял денег, а я не хотела, чтобы он голодал.
 - И так, вы посылали ему деньги. Но, кроме того, вы с ним еще и виделись?
 - Два или три раза я была у него на квартире.
 - И ваш муж об этом не знал?
 - Поначалу нет.
 - И когда же узнал?
 - Когда распечатал письмо Гарри ко мне.
 - Вот как? Он его вскрыл?
 - Да.
 - Он что? Всегда вскрывал ваши письма?
 - Нет. Но в тот раз, надо полагать, он узнал почерк сына.
 - Как он отреагировал на то, что сын находится с вами в переписке?
 - Объявил, что больше у него сына нет.
 - Это потому, что сын отказался следовать по его стопам?
 - Да.
 - А других причин не было, миссис Росс?
 - Насколько я знаю, нет.
 - Вы в этом уверены, миссис Росс?
 - Разве можно быть уверенной в том, что творится в чужой голове? Могу лишь сказать, что, насколько мне известно, других причин не было.
- Хокс это съел.
- И что случилось после того, как он прочел письмо сына?
 - Он спросил меня, помогаю ли я Гарри, и, когда я призналась, что да, рассердился.
 - Сказал ли он, что вы должны немедленно это прекратить?
 - Да.
 - И после этого вы Гарри Россу уже больше не помогали?
 - Только один раз.
 - Вы с ним виделись?
 - Мне было необходимо съездить в Лондон по делам, и заодно я взяла для него деньги.
- Хотела предупредить о настроениях отца.
- Но вы же могли написать!

– Мне казалось, что доверять письмам небезопасно. Муж мог перехватить письмо до того, как оно попадет на почту, или в процессе доставки.

– И если бы так оно и произошло? Было бы в вашем письме что-то, о чем вы не хотели бы, чтобы муж знал?

– Естественно, мне не нравится, когда перехватывают мои письма.

– Миссис Росс, я вынужден призвать вас к порядку. Вы то и дело уклоняетесь от ответа. Поверьте, это не прибавит вам привлекательности в глазах присяжных. Итак, спрашиваю еще раз. Если бы вы писали пасынку письмо, было бы в его содержании нечто такое, что вы предпочли бы утаить от вашего мужа?

– Встретившись с пасынком, я сказала ему, что положение становится нестерпимым и что я хочу от мужа уйти.

– А мужу вы об этом сказали?

– Нет. Собиралась, но случилось так, что он внезапно скончался... Как известно суду.

– Понимаю. А что, если я скажу, миссис Росс, что муж вас подозревал?

– В каком смысле?

– Во всех.

Она пожала своими красивыми плечами:

– Ну, это как-то неопределенно...

– Это факт, не так ли, что он пытался читать вашу корреспонденцию?

– Да.

– И следить за вашими передвижениями?

– Об этом я узнала только потом.

– Когда потом?

– Во время предварительного следствия, когда моя служанка призналась коронеру, что муж приказал ей докладывать ему, кто ко мне приходит, с кем я разговариваю по телефону, кому пишу письма и от кого их получаю.

– А до этого вы ничего такого не замечали? Не замечали, до какой степени серьезно он относится к сложившемуся положению?

– Он всегда имел склонность ревновать.

– И к кому он вас ревновал, миссис Росс?

– К любому, кто был мне другом, вообще ко всем, с кем я была в переписке, даже к тому, что я совершала без него прогулки.

– Правильно ли я понимаю, что он возражал против ваших частых поездок в Лондон?

– Да, если не мог сопровождать меня.

– А сопровождать вас ему удавалось нечасто?

– Да, ведь он работал.

– И вы продолжали ездить в Лондон, несмотря на его возражения?

– Я страстно люблю музыку. В таком городе, как Марстон, попасть на хороший концерт невозможно. Я ездила слушать музыку в Лондон и не собиралась лишать себя этого удовольствия.

– Полагаю, присяжные это понимают. А теперь, миссис Росс, скажите: ваш муж возражал против каких-либо определенных ваших знакомств?

– У него не было для этого оснований. Он запретил мне видеться с пасынком, но это все.

– Высказывал ли он предположения, что вы ездите в Лондон с иными целями, чем ему говорите?

– Повторяю, он с подозрением относился ко всему, что я делала.

– И подозрения его были столь сильны, что он организовал за вами слежку на время ваших визитов в Лондон. Вы догадывались об этом?

- Нет, не догадывалась, пока не пришло письмо. В то утро, когда мы нашли его мертвым.
- Письмо из Лондона, из частного детективного агентства?
- Да.
- Поручив этому агентству организовать слежку за вашими передвижениями в Лондоне, он снабдил их той информацией, которую они запросили?
- Да. Но об этом деле я знаю только то, что смогла почерпнуть из указанного письма.
- Значит, миссис Росс, вы хотите, чтобы присяжные поверили, что ваш муж никогда не высказывал вам прямых обвинений в связи с тем или иным лицом, ради встреч с которым вы якобы ездили в Лондон?
- Нет, никогда.
- Напомню вам, что вы под присягой!
- Я об этом не забываю.
- Хорошо. Перейдем теперь к ночи, в которую произошла смерть вашего мужа. Вы уже сообщили суду, что в тот вечер он поднялся в спальню, чтобы на пару часов прилечь, потому что у него голова разболелась?
- Да.
- Помните, вы сказали, что тогда занимали общую спальню?
- Да, но в тот раз он собирался прилечь и немного вздремнуть, а потом спуститься и со свежими силами заняться проверкой школьных тетрадей. В таких случаях он уходил в свою комнату, которая находится напротив нашей спальни, через лестничную площадку. Так он поступал для того, чтобы я, если мне вздумается лечь пораньше, его не будила.
- А у него в обычае было раздеваться, даже если он собирался прилечь только на пару часов?
- Если он хотел спать, то да.
- Значит, потом он намеревался спуститься и поработать?
- Да, в полночь.
- И вы сказали, у него был будильник, чтобы проснуться вовремя?
- Да. Он всегда ставил и заводил его сам.
- Значит, и в тот вечер он тоже поставил его и завел?
- Вероятно. Я сама этого не видела.
- Свидетельница, мисс Кобб, показала, что мистер Росс и в самом деле его завел.
- Я не сомневаюсь в показаниях мисс Кобб, я только говорю, что сама этого не видела.
- А вы когда-нибудь сами заводили его, этот будильник?
- Нет. Я даже не знаю, как он работает. Этот был совсем новый, и мой муж им гордился.
- То есть вы не сумели бы поставить его на определенный час, даже если бы муж попросил вас об этом?
- Нет. Завести часы, конечно, смогла бы, но о том, как устроен будильник, я понятия не имею.
- Хорошо. Разумеется, вам известно, что впоследствии будильник был найден в шляпной картонке, которая находилась в комнате вашего мужа?
- Да.
- Найден полицией?
- Да.
- А вас не удивляет, что часы оказались в столь странном и неподходящем месте?
- Удивляет. Я понятия не имею, как они там оказались.
- А если бы полиция не вмешалась, что могло бы случиться с этим будильником?
- Думаю, он там, в шляпной картонке, и оставался бы, пока не пришло время разбирать вещи мужа.

– Вы когда-нибудь раньше сталкивались с тем, чтобы часы клали в шляпную картонку?
– Нет, никогда. Сама-то я даже не заметила бы, что будильника нет. Заговорила о нем мисс Кобб.

– Что? Спросила, где часы?

– Да. Она помогала мужу в работе над книгой, которую он пишет в свободное от работы время. Утром пятого числа она пришла к нам и, узнав, что муж мертв, буквально была потрясена. За день до того она работала с ним допоздна. По ее словам, он выглядел усталым и измученным. Она согласилась, когда он сказал, что, пожалуй, пойдет немного поспит, чтобы потом продолжить с новыми силами. Так что около девяти он поднялся к себе, а она в то же примерно время ушла домой.

– А вы?

– Мне спать не хотелось, и, когда муж улегся, я, зная, что до утра мы не увидимся, решила пойти в кино. Это было примерно в четверть десятого.

– Значит, ваш муж не знал, что вы ушли?

– Нет. Я собиралась вернуться домой до того, как прозвенит его будильник.

– И не собирались ему рассказывать о своем походе в кино?

– Если бы он спросил, то, конечно, бы рассказала. Но подниматься по лестнице и тревожить человека, когда он рассчитывает заснуть? Зачем?

– Понятно. Итак, вы отправились в кино. А кто оставался в доме?

– Мой муж и наша экономка Марта.

– Значит, если бы ему что-то понадобилось, она смогла бы ему помочь?

– Ну, не думаю, что в таких обстоятельствах от нее был бы толк. В десять она укладывается спать, и, поскольку глуха как пень, ее пушками не разбудишь. Впрочем, что мужу могло понадобиться? Обычно Марта на всякий случай оставляет в библиотеке виски с содовой, но муж был сторонник трезвости и, как правило, от алкоголя воздерживался.

– Хорошо. Значит, вы пошли в кино и вернулись домой в начале двенадцатого?

– Да. Входную дверь я открыла своим ключом, заглянула в библиотеку, там было темно... Ну, я и легла спать.

– И до самого утра не знали, что муж умер?

– Утром Марта вошла ко мне со словами, что очень обеспокоена. Я кинулась в комнату мужа и там первым делом подумала, что, видимо, ночью у него был сердечный приступ. Позвонила доктору. Тот явился и подтвердил, что да, похоже на сердце. Положение тела не вызвало у него никаких вопросов. Он сказал, что пришлет мне свидетельство о смерти.

– И когда же у вас появились первые подозрения?

– Только когда возник вопрос о будильнике. Это мисс Кобб о нем вспомнила. Она явилась в девять утра с бумагами, которые перепечатала за ночь. Она, видите ли, днем работает в одной местной конторе, а в свободное время помогала моему мужу. Девушка, которая ей открыла, прямо с порога известила ее, что у нас беда, и мисс Кобб тут же закатила истерику. Потребовала, чтобы ее впустили в дом, и буквально ворвалась в комнату, где лежало тело моего мужа.

– И именно она отметила, что будильника нет?

– Да. Оглядела всю комнату, как мне сказали, и спросила, что произошло. А потом вдруг как закричит: «Где часы?» Естественно, я понятия не имела. Я могла лишь предположить, что муж вообще забыл поставить будильник.

– Значит, вы вышли к мисс Кобб?

– Да, как только поняла, что она в доме. Мне пришлось уговаривать ее уйти. Она устроила настоящую сцену.

– Правда ли, что она кричала: «Можете радоваться, вы этого дождались!»

– Я не могу сказать в точности, что она кричала. Она была совершенно вне себя.

– И все-таки делала совершенно определенные обвинения?

– Она была очень расстроена. Кричала во весь голос, пока мне не удалось ее успокоить.

Моя прислуга, не сомневаюсь, запомнила ее слова лучше, чем я.

– И что там дальше с будильником?

– Я уверила ее, что не видела этого будильника и понятия не имею, где он. Она огляделась, как безумная, и сказала: «У будильника нет ног, он выйти не может, и вчера он вот тут стоял. Куда он делся?» Я сказала, что, возможно, муж взял его вниз, когда спустился проверять тетради, и, возможно, мы найдем его в библиотеке. Но когда мы пошли это проверить, оказалось, что тетради нетронуты, так что муж, вернее всего, в тот вечер не выходил из своей комнаты.

– Много внимания вы уделили словам мисс Кобб?

– Нет, очень мало. И часы сразу из головы выкинула. Думала, отыщутся потом сами собой.

– Вы не стали их искать?

– Нет. Я не отнеслась всерьез к их потере. Врач сказал, что муж умер между одиннадцатью и двумя ночи, все выглядело совершенно очевидно.

– Когда возникли первые подозрения?

– У меня никаких подозрений не было, пока со мной не захотел встретиться некий молодой человек. Я подумала, что у него могли быть дела с моим мужем, и согласилась его принять. Оказалось, что он из местной газеты. Оказалось, что Айрин Кобб пошла в редакцию, у нее там знакомая работает, и рассказала эту безумную историю про пропавший будильник. Разумеется, я сказала ему, что никакой тайны тут нет, что смерть произошла по причинам самым естественным, однако назначено досудебное разбирательство у коронера, поскольку муж умер внезапно и тринадцать дней перед тем не проходил обследования у врача... Доктор Френшем сказал мне: тринадцать дней – это срок, установленный законом, чтобы расследование не проводилось.

– У вас не было возражений против расследования?

– Никаких. Но вскоре после обеда явился полицейский, который попросил меня ответить на несколько вопросов. По закону, права допрашивать меня он не имел, но мне скрывать было нечего, и я согласилась. Он спросил меня, знала ли я, что муж намеревался изменить свое завещание. Я сказала, что он говорил со мной об этом, и я попыталась убедить его не совершать поспешных шагов.

– Но вам не удалось переубедить его?

– Нет.

– И значит, через двадцать четыре часа вы оказались бы полностью лишены наследства?

Миссис Росс расширила свои и без того огромные золотисто-карие глаза.

– Лишена наследства? Я? Он совсем не из-за меня собирался изменять свое завещание, а из-за сына!

– И вы в самом деле хотите, чтобы суд в это поверил? – саркастически осведомился Хокс.

– Это правда. Он сказал, что не хочет, чтобы его деньгами швырялся человек, которого он больше своим родственником не считает.

– Он не говорил вам, что собирается вычеркнуть и вас также?

– Разумеется, нет.

– Хотя сообщил об этом мисс Кобб, а также нотариусу?

– Я ничего об этом не знаю.

– Оба они готовы поклясться в этом на Библии.

– Могу только повторить, что муж ничего мне об этом не говорил. Впрочем, я в любом случае, как уже сказала суду, собиралась уйти от мужа, так что о каком наследстве может идти речь...

– Вы сказали об этом только Гарри Россу? О том, что решили уйти от мужа? Никому больше?

– У меня не было возможности. Я не успела. Я совсем недавно пришла к этому решению.

В общем, приходилось признать, что положение миссис Росс было довольно мрачно. Привыкшая к определенному уровню комфорта, она не годилась ни для какой работы и вряд ли сумела бы приобрести необходимые для этого навыки. О том, что она не знала о намерениях мужа, нам известно было только от нее самой. Макнейл прежде уже подробно расспросил ее про расследование коронера. Возглавлял его Хайд, военный медик в отставке, обративший внимание на небольшой сгусток крови, засохшей в углу рта покойного. Доктор Френшем понятным образом это пятнышко проглядел, ведь, в конце концов, у него не было ни малейшего повода сомневаться в причине смерти. Хайд же, вообще человек беспокойный, выразил уверенность в том, что сгусток крови возник в результате некоторого нажима. Покойный, когда его нашли, лежал на правом боку, тогда как пятно находилось в углу рта слева. После того события стали развиваться стремительно. Инициатором всех неприятностей, полагаю, была эта Кобб. Она всюду трезвонила про будильник, который таинственным образом пропал. Полицейские осмотрели комнату, в которой нашли тело, и обнаружили запятнанную кровью подушку. Она валялась на стуле грязной стороной вниз.

Хокс, когда добрался до этого факта, стал похож на щенка, треплющего туфлю. То и дело отстранялся от него, а потом подбирался снова, пока вконец не измотал миссис Росс. Она повторяла раз за разом, что понятия не имеет, как подушка оказалась в крови, высказала предположение, что, возможно, у мужа болели зубы, и он прижался к подушке щекой.

– Прижался так, что пошла кровь. Из щеки, да? Не очень-то это правдоподобно. А потом, если бы он так сделал, разве он не умылся бы сначала, прежде чем улечься в постель?

– Другого объяснения я предложить не могу.

– Как вы думаете, если бы подушку положили ему на лицо и с силой прижали, это могло бы вызвать кровотечение из десны?

– Я не знаю. Возможно.

– Ваш муж страдал от пиореи, то есть гноетечения. Не так ли?

– Да.

– Значит, десны у него были чувствительны и легко кровили. Это так?

– Наверное, да.

Я видел, к чему он ведет. Он хотел показать, что самое легкое нажатие, даже рукой женщины, способно было вызвать травму десны. В этом пункте Виола Росс ему поддалась; к тому времени она выглядела уже такой измученной, что смягчился бы кто угодно, только не жестокосердый Хокс.

– Перейдем теперь к вопросу о будильнике, миссис Росс. Вам, конечно, известно, где, в конце концов, он нашелся?

– В шляпной картонке, в комнате моего мужа.

– У вас имеется объяснение, как он там оказался?

– Если бы оно у меня имелось, я бы давно сообщила его моему адвокату. Или следователю. Они не раз этим интересовались.

– Вы думаете, что это ваш муж сунул его туда?

– Не представляю, кто мог это сделать, кроме него. Больше никого в комнате не было.

– Никого? Неужели вы забыли про подушку, миссис Росс?

– Я не согласна с тем, что следы на подушке доказывают, что в комнате был кто-то еще. Я думаю, кровавым пятнам есть абсолютно рациональное объяснение, просто я его еще не нашла.

– Надо полагать, вы считаете, что и часам в картонке есть абсолютно рациональное объяснение?

– Должно быть. Возможно, он положил их туда, чтобы не зазвенели. Когда будильник нашли, он лежал между шляпами, завернутый в шарф.

– Но вы сказали, ваш муж понимал, как работают эти часы?

– Да.

– Отчего же он просто не выключил будильник, когда тот зазвенел?

– Ну, может, там что-то испортилось.

– Часы проверил часовой мастер, они в полном порядке.

– Тогда не знаю, в чем дело.

– Предположим, ваш муж в самом деле сделал это, убрал часы в картонку. Как вы объясните суду тот факт, что, спрятав будильник, он улегся в постель и там, судя по всему, умер?

– Могу лишь предположить, что это было какое-то чудачество.

– А были у него в обычае такие, как вы выразились, чудачества?

– В последнее время он вел себя довольно странно, я уже об этом упоминала. Он бродил, разговаривал сам с собой. Он запустил работу. Поведение его изменилось. Посторонние тоже это замечали, меня спрашивали, в чем дело.

– Разве не очевидно, в чем дело? Его мучило беспокойство.

– Хуже того. Он стал прятать вещи во всякие странные места, деньги и книги, и однажды засунул запонки в свои парадные туфли. Доктор Френшем не исключал, что возможно нервное расстройство.

– А не заходила речь о том, чтобы взять отпуск?

– Речь заходила, но он отвечал, что у него слишком много работы. Этот его учебник отнимал массу сил.

– Понятно. Итак, он сам вжимался лицом в подушку, пока не пошла кровь, не сделал попытку смыть ее, на простынях, наволочке или носовом платке нет пятен крови, спрятал будильник в шляпную картонку, не выключив завода, а потом улегся в постель, и тут его настигла сердечная боль. Вам не кажется странным, что он не попытался встать, позвонить прислуге, закричать?

– Если бы он попытался, никто бы его не услышал. Марта крепко спит этажом выше.

– По заключению врачей, он умер, не оказывая сопротивления.

– Разве это так необычно при болезни сердца?

– Ну, не очень обычно. А теперь, миссис Росс, попрошу вас взглянуть на это. – Он протянул ей пластиковую коробочку, помеченную номером 5. – Посмотрите на то, что внутри, и скажите, что это такое, по-вашему?

– Похоже на камешек, выпавший из кольца.

– Так и есть, это очень маленький бриллиант, так называемая алмазная крошка. Насколько я понимаю, у вас есть кольцо с опалом, оправленным в мелкие бриллианты, вы носите его постоянно.

– Да, конечно. Это самая обычная оправа.

– Такое сейчас как раз у вас на руке.

– Да.

– И, полагаю, в вашей оправе как раз отсутствует один бриллиант.

– Да.

– Можете сказать, как давно вы его потеряли?

- Нет, не могу.
- Но заметили бы, конечно, если бы потеряли давно.
- Нет, могла бы и не заметить. Он такой маленький.
- И все-таки разумно предположить, что этот факт не мог не броситься вам в глаза.

Тогда как на самом деле этого не произошло. Верно?

– Да.

– Миссис Росс, тот камень, что вы сейчас держите, полностью соответствует тому, которого недостает в вашем кольце. И нашли его, миссис Росс, в постели вашего мужа.

– Ну, вероятно, он держался непрочно и выпал, когда я, склонившись над мужем, пыталась его разбудить в то злосчастное утро.

– Вы признаете, что не слишком много сил вкладывали в эту попытку, что почти сразу поняли: мужу уже не помочь?

– Когда камень слабо закреплен, довольно малейшего движения, чтобы он вылетел из оправы.

Да, она отбивалась, удар за ударом, но мало-помалу он ее измотал. Будильник, подушка, бриллиант... К тому же пришлось признать, что в день перед несчастьем, когда она вернулась из Лондона, они с мужем поссорились.

– Вы ездили, чтобы повидать своего пасынка?

– Да.

– Отвезти ему денег?

– Совсем немного. В основном я поехала, чтобы сказать, что впредь помогать не смогу, и предупредить, что отец намерен лишить его наследства.

– Вот как? Вы ему это сказали?

– Я подумала, это только честно: предупредить его.

– И какой в этом был толк?

– Я полагала, что, может, это подвигнет его приехать и повидаться с отцом.

– И он приехал?

– Насколько я знаю, нет.

– Вы разговаривали с пасынком после смерти вашего мужа?

– Утром пятого числа я ему позвонила, но его не было дома. Я оставила сообщение, и он мне перезвонил. В тот же день он приехал.

– Пролить свет на тайну, разумеется, не в его силах?

– Разумеется, нет. Он не видел отца несколько месяцев.

– А ваш муж знал, что в тот день вы встречались с Гарри Россом?

– Да.

– И он выразил свое недовольство?

– Да.

– Указывал ли он, что у вас могли быть свои мотивы для посещения пасынка?

– Свои мотивы я вам уже изложила.

– Это не ответ на мой вопрос, миссис Росс. Я вынужден просить вас рассказать суду, не считал ли ваш муж, что у вас имелись и другие причины, чтобы видеться с Гарри Россом.

– У него не было никаких оснований для этого.

Тут вмешался судья:

– Вам следует ответить на этот вопрос, миссис Росс.

Она вскинула голову:

– Если ему угодно было подозревать, что у меня романтическая привязанность к его сыну, то он ошибался. Между нами огромная разница в возрасте. Сама идея абсурдна.

– Тем не менее он подозревал нечто подобное?

– Делал вид, что подозревает.

– А до того дня он делал намеки такого рода? Говорил о своих подозрениях? К примеру, когда запрещал вам видеться с сыном?

– Я не могла допустить, чтобы моим поведением руководила мысль столь... низкая! – Голос ее на последнем слове возвысился, зазвенел и эхом прокатился по залу. Хокс, однако, остался невозмутим. Он продолжил свои расспросы. Поинтересовался, часто ли бывала она в съемной комнате Гарри. Не приходила ли ей в голову мысль, что это неприлично. Ведь Гарри очень привлекательный молодой человек, не так ли? Не пришлось ли ему сменить адрес после того, как она стала его навещать? Разве не факт, что его первая квартирная хозяйка возражала против того, чтобы к жильцу захаживала замужняя женщина? Каждым своим словом Хокс старался создать у присяжных образ неверной жены, отчаявшейся перед лицом позора, нищеты, краха. Я вглядывался в лица своих соседей. Похоже, обвинитель их убедил. А физиономия Хокса меж тем приобретала выражение, которое бывает у охотника, когда он настигает добычу. Она выражала ликование, почти злорадство. Жалости он не знал и сострадания тоже.

Отстал он от нее, только задав свой последний вопрос:

– Миссис Росс, мне осталось спросить вас только об одном. Сказали бы вы... Могли бы вы сказать, что были счастливы в браке?

Тут он загнал ее в угол, и оба они это знали. В зале установилась мертвая тишина.

– Нет, – не сразу отозвалась она своим низким и внятным голосом. – Счастлива я не была, но, тем не менее, мужа не убивала.

– А он, он догадывался о том, что вы несчастны? Вы говорили ему о том, что жизнь с ним вам ненавистна?

Виола Росс тут сникла, будто в последнюю свою фразу вложила все до капли остатки сил. Впервые она посмотрела на него умоляюще, но, не встретив сочувствия, сумела лишь тихо проговорить:

– Не знаю. Просто не знаю, и все.

– Ну-ну, миссис Росс, так не бывает. Как можно не знать, говорили вы мужу, что жалеете о том, что вышли за него замуж, или не говорили?

– Чего только сгоряча не скажешь... – прошептала она.

– Но не такое же!

Тут, благодарение богу, вмешался судья. Наклонившись в сторону подсудимой, он произнес:

– Миссис Росс, если вы припомнить не можете, то, значит, не можете и ответить на этот вопрос. И не обязаны отвечать.

На моих глазах физиономия Хокса окаменела так, что лишилась всякого выражения. Только взгляд сверкал, не суля подсудимой ничего доброго. Что ни говори, а, несмотря на вмешательство судьбы, он добился цели, которую перед собой ставил. Он создал у присяжных – уж это-то было очевидно нам всем – впечатление, что допрашивает преступницу.

Выступавший затем защитник Макнейл не решился давить на миссис Росс: было видно, что она на пределе сил. Он сделал, что мог, чтобы немного растопить общую атмосферу враждебности, но заметного успеха не имел.

Он допросил других свидетелей, в том числе Гарри Росса, тоже особо не усердствуя. Это было бы неблагоприятно. Гарри – темноволосый привлекательный парень с уверенными манерами – держался настороже. Его ответы полностью подтверждали показания миссис Росс, но сомневаюсь, чтобы ей это помогло. Слишком многие думали, что они вместе готовились к защите. Хоксу дали еще высказаться перед тем, как судья приступил к заключительной речи, и, как пробормотал кто-то за моей спиной, дело оставалось за малым.

Глава 3

– Положение, по-моему, безнадежное, – мрачно сказал Моррисон. – Не представляю, как им удастся наверняка доказать, что убила она, но если не она, то, черт побери, кто же?

– При расследовании убийства все доказательства – по определению косвенные, – отозвалась присяжная по фамилии Бейтс. – Кто же убивает при посторонних, чтобы те свидетельствовали против них?

– А не мог кто-нибудь залезть в дом, пока она сидела в кино? – предположил Чалмерс.

– Кто, например? – спросила Бейтс.

– Мы не знаем. В конце концов, жизнь многих из нас – закрытая книга. Даже соседи могут всего не знать. Может, у него были враги...

– И кто впустил в дом убийцу? Почтенная Марта?

Нам пришлось признать ее правоту. Марта в качестве участницы заговора с целью задушить хозяина – это было просто несообразно ни с чем.

– А в том, что это убийство, сомнений нет? Случайная смерть абсолютно исключена?

– Абсолютно, – заверили мы. – Тело освидетельствовано двумя врачами. Сомнений – никаких. А кроме того, как объяснить будильник?

– Да, это настоящая тайна, – согласились мы.

– А я считаю, никакой тайны тут нет. Миссис Росс понимала, что в полночь будильник прозвенит, а звонок отключить не умела. Она знала, что от звона муж сразу проснется. И она, скорее всего, до того успела зайти к нему в комнату – может, у него была против нее улика какая-то, и она знала об этом... То же самое письмо, например. Ей показалось, что он просыпается, она схватила часы, замотала их в шаль, чтобы заглушить, а потом, когда поняла, что не вышло, что он ее видит, схватила подушку и прижала к его лицу. Что ни говори, а камешек из ее кольца в кровати нашли. И против этого ничего не попишешь!

– Можно объяснить это совершенно иначе, – упрямо возразил я. – Не понимаю, зачем бы ей лгать. Не говоря уж про будильник в картонке. Отчего она его потом-то не вынула и не вернула на место?

– Ну, конечно же, потому, что совсем забыла о нем! Вообще если хорошенько подумать, то можно предположить, что будильник этот она замотала в тряпки и спрятала до того, как он должен был прозвенеть. Потом начала свои поиски с мыслью о том, что дела ее хуже некуда, взглянула на мужа и подумала: до чего же он беспомощный. Он же был невысокого роста, вы помните, а уж в постели так просто воробышек. Ну, а дальше действовала по побуждению. Она ведь сильная женщина.

– Все это домыслы, и ничего больше, – возразил Моррисон.

– Но ведь все-таки кто-то его убил! – вскинулась мисс Бейтс.

– Сдается мне, у нас нет никаких фактов, которыми можно бы подкрепить обвинение, – прозвучал тонкий обиженный голосок, подобный тому, каким, наверное, изъяснялся Комар из «Алисы в Зазеркалье». – Извольте... Никто не видел, как она входит в комнату мужа. Как выходит, тоже не видел. Отпечатков ее на будильнике не нашли. Да, я знаю, они могли стереться, когда она закутывала его в шаль. Но факт остается фактом: ни одного отпечатка! Миссис Росс сразу послала за доктором и ничуть не возражала против расследования. Она открыто позвонила своему пасынку и попросила его хозяйку передать ему, чтобы перезвонил. Все это, знаете ли, слишком прямодушно, на мой взгляд, чтобы быть правдой.

– Ну очень она ловка! – убежденно сказала мисс Бейтс.

– Я просто не вижу, как можно признать ее виновной, – продолжал голосок.

– Так что же, согласимся с тем, что Эдвард Росс сам себя задушил?

– Нет, конечно же, нет. Его убил кто-то, кого мы не знаем... Или убили.

– Но почему она не вернула часы на место? – снова спросил я.

– Да забыла, наверное! – ответил мне хор голосов. – Говорят же, каждый убийца хоть раз да поскользнется.

– Если бы не секретарша, про будильник никто бы и не вспомнил.

– Она вполне могла достать его из картонки позже, – предположил я.

– Разве? А я в этом сомневаюсь! Она осмотрела комнату, где будильник должен был находиться, и доктор с мисс Кобб искали с ней вместе. Потом, по словам мисс Кобб, она сама осмотрела библиотеку, а Марта ей помогала. Они все перерыли. И если бы миссис Росс вдруг предъявила часы, от нее ждали бы объяснений. Вот она и решила, что на первое время безопасней оставить их в коробке.

– Да хоть в окно могла выбросить! – не отставал я. – У них под окном сад.

– Вспомните, утром прошел дождь, настоящий ливень! – возразил мне кто-то. – Будильник упал бы в грязь, и всякий бы понял, что когда полил дождь, часов там еще не было. Все-таки есть толк в чтении детективных историй, – прибавил он. – Они учат, чего делать не следует!

– Только полицейскому придет в голову искать будильник в шляпной картонке, – заметил Моррисон. – Это как у Честертона: ты не ищешь в буфете змею, потому что знаешь: в буфетах змеи не водятся.

– Но если в дом никто не входил, – вступил в разговор мужчина, прежде не раскрывавший рта, – а похоже, что именно так и обстояли дела, то, значит, убить, кроме нее, было некому.

Мы начали обсуждать, не причастна ли к преступлению Марта, но скоро сдались. В самом деле, никакого мотива у нее не было, если не предположить интрижку с Эдвардом Россом, что само по себе абсурдно. Она служила у него еще до второй его женитьбы, он хорошо ей платил, от его смерти она бы ничего не приобрела. Нет, против нее дела не заведешь. И не то чтобы я этого желал. Просто мне хотелось, чтобы Виолу Росс оправдали, а это, по всему судя, выглядело делом весьма непростым.

– Если хоть малейшая возможность имеется, пусть даже самая маловероятная, что совершить преступление мог кто-то другой, вы должны ее оправдать, – сказал я.

– А разве есть хоть какие-то сомнения? – отозвалась мисс Бейтс. – Часы сами в картонках не прячутся!

– Никто и не предполагал, что виновата служанка, – воскликнул Моррисон. – Нам надо решить, согласны ли мы с тем, что виновна миссис Росс. А если это сделала не она, то кто же? Вот в чем суть проблемы.

– У нее была мотивация, были возможности, достаточно физических сил... И она призналась, что жили они с мужем несчастливо.

– Ну, если такое трактовать как повод для убийства, то гробовщики напьются на радостях, – сказал я.

– И все-таки отмахиваться от этого нельзя, – снова раздался голос Комарика. – Да, сказать, что у нее был роман с пасынком, мы не можем, но факт остается фактом: она навещала его несколько раз в его съемной квартире даже после того, как муж ее такие визиты положительно запретил. Да и выглядел пасынок не очень-то убедительно, когда давал показания. Будто боялся чего-то.

– Боялся, что ее приговорят за убийство, чего же еще.

– А по-моему, скорее того, что может всплыть.

Так мы топтались на месте, взвешивая то тот, то этот пустяк, цепляясь то к одному, то к другому. Я небо благодарил, что в нашей стране большинства голосов для вынесения смертного приговора недостаточно – необходимо полное единодушие всех присяжных засе-

дателей. И решил, что буду держаться хоть до Судного дня. Пусть я не смогу их поколебать, но добиться пересмотра дела смогу, и уж тогда сам возьмусь за расследование...

Мало-помалу мы достигли той стадии, когда одиннадцать присяжных созрели для того, чтобы признать Виолу Росс виновной. Я же стоял за то, чтобы ее оправдать.

– Вам все равно, убила она мужа или нет! – воскликнула дама с лошадиным лицом. – Вы просто хотите, чтобы она соскочила с крючка!

– Я хочу быть уверен в том, что я делаю, – возразил я и всем остальным повторил то же.

Судья прислал сказать, что если нам нужна помощь, то он в нашем распоряжении. Когда, наконец, мы вернулись в зал судебных заседаний, оказалось, что больше половины присутствовавших разошлись. Конечно, люди не могут полночи просидеть в суде, даже когда речь о том, жить или не жить женщине. У всех есть свои ежедневные обязанности: готовить ужин, укладывать детей. Драма Виолы Росс – всего лишь атом, песчинка во Вселенной...

Вообще надо признать, что по большому счету мало кто принимал это событие близко к сердцу. Ну, может, поначалу оно щекотало нервы, как всякая скандальная новость, но потом острота притупилась, и сердечно сочувствующих делу было раз-два и обчелся. Я же, когда мы час за часом обсуждали это дело, вынося приговор, не мог не думать о том, каково ей сейчас там, в камере при суде, в присутствии надзирательницы. О чем она думает? Есть ли у нее предчувствия, как повернется дело? И когда ее ввели в зал, я бросил на нее взгляд и тут же его отвел. Лицо посерело, обычной ее живости как не бывало. Страшно подумать, каково это: сидеть и ждать в тишине. Судебный процесс – это была все-таки жизнь, мизансцены менялись, свидетели давали показания, следовало держать спину, не терять присутствия духа, вникать, вслушиваться... Не говоря уж об атмосфере, царящей в зале суда, особенно когда смертный приговор обсуждается – она ощутима, как дуновение ветра. Однако в часах мучительного ожидания ничего занимательного, это тоска и ужас.

Итак, судья задал свой обычный в таких случаях вопрос:

– Господа судебные заседатели, вы пришли к общему соглашению?

– Вынужден сказать, ваша честь, что среди нас один несогласный, – ответил Моррисон.

Судья осведомился, не находит ли староста присяжных, что есть смысл пересмотреть приговор, на что Моррисон ответил, что нет, не находит. Час стоял уже такой поздний, что остаться дольше значило бы провести тут всю ночь, а я был настроен голосовать за оправдание Виолы Росс столь же решительно, как мои коллеги – за то, что она виновна. Судья оказался философом. Он оценил положение и, обратившись к суду, распустил его. Мисс Бейтс, та прямо посинела от возмущения:

– Благодарение Богу, вас не будет в следующем составе присяжных!

Назавтра вся утренняя пресса вышла с заголовками вроде «Дело об убийстве: сенсация», «Дело Росс: присяжные разделились», а одна предприимчивая газетка даже озаглавила свой отчет «Двенадцатый». Я его просмотрел, почти ожидая, что наткнусь на свое имя. Поднял трубку домашнего телефона и попросил немедленно принести завтрак. Стало ясно, что оглянуться не успеешь, как у моего порога, подобно стервятникам над трупом, появятся сначала местные репортеры, а потом и лондонские их собратья. Я принял решение уехать в столицу и на несколько дней затаиться там. Осуществлению планов, которые я как раз обдумывал, вряд ли поможет, если меня будет преследовать свора ищеек-любителей, жаждущих знать, что я намерен делать, и готовых в романтическом свете преподнести мои действия в защиту миссис Росс, на каждом шагу чиня мне препоны.

Не успел я собраться, как зазвонил телефон, и меня известили, что ко мне пришла мисс Кобб. Я от души чертыхнулся:

– Сделайте одолжение, скажите, что у меня спешное дело в Лондоне.

Наступило молчание. Затем портье осведомился, намерен ли я успеть на поезд, который отходит в 9.40.

– Я должен успеть на него всенепременно.

– Леди говорит, что это ничего. Она тоже на нем поедет.

С тяжелым вздохом я сдался:

– Впустите ее. Только предупредите, что у меня всего несколько минут.

Она явилась, бледна, как сама смерть, на голове ужасная шляпка из соломки и никакой косметики на лице.

– Так, значит, то были вы! – как в дурной пьесе, воскликнула она вместо приветствия. – Почему, почему вы это сделали?

– Извольте-ка объяснить, – с отвращением отозвался я, – с какой стати вы сюда ворвались? Вам же сказали, мне нужно в Лондон!

– Полгорода знает, что это вы, и все хотят знать почему!

– Да потому, что для всякого другого приговора доказательств предъявлено недостаточно, – сказал я. – Так что сделайте милость, сообщите это своим любознательным друзьям.

– И чего вы добились? Ей просто придется пройти через еще один процесс, а уж в tomto составе присяжных вряд ли найдется еще один влюбленный в нее!

– Это меня не касается, – ответил я со всем доступным мне хладнокровием, от души жалея, что не могу выставить убогое создание за дверь.

– Наверное, вы совсем сбросили его со счетов, – обвинила она.

– Моей задачей было рассмотреть приговор.

– Вы не можете не знать, что она виновна!

– Если бы знал, согласился бы с остальными присяжными. А кстати, откуда вам известно, что это я заблокировал приговор?

– Мисс Бейтс мне сказала.

– Да? Она что, ваша подруга?

– Мы живем в одном доме. И, конечно, она ужасно возмущена. Она тоже считает, что миссис Росс хотела избавиться от своего мужа.

– Одну минуту, – перебил я ее. – Скажите, есть кто-нибудь, кого вы ненавидите?

– Миссис Росс, – прошипела она сквозь зубы.

– А, ну да. Вы считаете, она не стоила своего мужа.

– Ноги ему мыть не годилась! – Ну, вы знаете этот тип женщин, которые на ровном месте впадают в истерику.

– Но ведь вы не собирались ее убить?

– Не обязательно убивать, когда ненавидишь.

– И все-таки вы считаете, что она убила своего мужа.

– Я уверена в этом. У нее все для этого было: и повод, и случай. И не рассказывайте мне, что ей понравилась бы бедность и нищета. Не говоря уж о том, что и любовника следовало обеспечить.

Я схватил ее за плечи.

– Послушайте, это клевета. Даже обвинитель не смог доказать, что у нее был любовник, хотя, видит бог, очень старался.

– Плевать мне на их доказательства! Все уверены, что он у нее был. Просто она не дурочка и не оставила никаких улик.

– Полагаю, вы можете назвать его имя? – съязвил я.

– Гарри Росс, – пробурчала она.

– Чем докажете?

– Она ездила к нему на квартиру, они оставались там один на один, они переписывались. Надо бы еще почитать эти письма! Отец выгнал его из дому...

– Но не из-за нее же.

– Откуда мы знаем? А потом, скажу я вам, у мистера Росса были доказательства.

Я недоверчиво на нее посмотрел:

– Неужели?

– Да. Он получил их в тот день, когда умер. Он сказал мне об этом.

– Что именно он сказал?

– «Ну что, милая моя парочка? Попались!»

«Как раз то, что Эдвард Росс сказал бы в такой ситуации», – подумал я.

– Что он имел в виду?

– Ему письмо пришло.

– От кого?

– Я не знаю. Он мне его не показал.

– Отчего же, раз вы пользовались у него таким доверием?

– Своих личных дел он со мной не обсуждал. Еще бы не хватало! Мне это было бы неприятно.

– Но тогда откуда такая уверенность?

– Он меня расспрашивал, прямо засыпал вопросами, притом какими-то странными.

– О чем?

– Ну, о передвижениях миссис Росс.

– Вы не сообщили об этом суду.

– Я пыталась, но меня слушать не стали. Понимаете, письма-то я предъявить не могу.

– Где же оно?

– Думаю, она его уничтожила.

– Предварительно убив мужа?

– Иначе бы ей никак не удалось его заполучить!

– А не приходило вам в голову, что бракоразводный процесс, если бы дело дошло до этого, все-таки предпочтительней, чем стоять перед судом обвиняемой в убийстве?

– Вопрос был в деньгах. Ей хотелось денег, а работать нет, не хотелось. Уж я-то знаю.

– Но какие у вас основания так говорить? – запротестовал я.

– Я столько месяцев была вхожа в дом! У меня было время все разглядеть.

– Она ведь работала до замужества.

– Да, и выскочила за первого встречного! Нет, если бы она хотела работать, она сэкономила бы мужу на секретарше! А он всегда говорил, что она не проявляет ни малейшего интереса к его книге.

– Что поделаешь, у человека нет способностей к математике. У меня, например, их нет тоже.

– Не понимаю, почему вы так настойчиво хотите ее обелить? Может, вы вроде лорда Питера Уимзи², которого так заинтриговала встреча с убийцей, что он сразу сделал ей предложение?

– Во-первых, миссис Росс не убийца. А во-вторых, идея жениться на ней ни с чем не сообразна, – ответил я, и это была чистая правда.

– Ну, тогда непонятно, почему вас так заботит эта история!

– Она – человек. Я не хочу допустить непоправимой несправедливости.

– С чего вы уверены, что это несправедливость?

– Присяжным меня выбрали для того, чтобы я честно высказал свое мнение. Так вот, у меня не создалось впечатления, что обвинение преуспело, доказывая ее виновность.

Мисс Кобб фыркнула:

– Не представляю, какие еще доказательства вам нужны. Она едет в Лондон на целый день, возвращается около пяти вечера, ссорится с мужем...

² Персонаж детективных романов Д. Сэйерс (1893–1957). – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Откуда вы знаете? – перебил я. – Вы что, там были? Я-то думал, что вы в это время еще на службе!

– Меня отпустили пораньше, работы не было, так что у дома Россов я оказалась немного позже, чем в половине пятого. Мистер Росс и его жена как раз беседовали на повышенных тонах.

– И вы слышали все, о чем они говорили?

– Нет, конечно. Я сидела в столовой. Мистер Росс попросил меня подождать. И я ждала, пока миссис Росс не вылетела из дому, хлопнув дверью.

– Она показала перед судом, что покинула дом только после ужина.

– Нет, то было позже. А в тот раз она умчалась, едва он вышел из библиотеки.

– Вот это новость... И куда она понеслась, по-вашему?

– У меня сомнений нет куда, но доказать я и в этом случае ничего не могу. Я уверена в том, что она торопилась позвонить ему по телефону.

– «Ему» – это кому?

– Гарри Россу. Она хотела предупредить его.

– Что супруг все узнал? – с нарочитым пафосом произнес я.

Айрин Кобб вспыхнула:

– Да, смейтесь сколько угодно, но я душу готова заложить: именно так она и поступила. Позвонила в Лондон, и примерно через час он мог уже приехать сюда.

– Вы хотите сказать, что той ночью он мог быть здесь? – Такая мысль не приходила мне в голову.

– Конечно. Кто же обсуждает такое по телефону!

– И когда она отправилась в кинотеатр... Но, конечно же, вы не верите, что она ходила в кино...

– Отчего же, мы знаем, что она там была. Она позаботилась, чтобы ее многие там видели. Она знала, что ей понадобятся свидетели. Но чего мы не знаем, так это долго ли она там находилась. И хотя в кинотеатр она явилась одна, это не значит, что она одна его и покинула.

– Гарри Росса у нас в городе любая собака знает. Довольно рискованно разгуливать с ним по улицам!

– Да нет, риск небольшой, если в кинотеатре последний показ в разгаре. Ну, или они могли выйти поврозь, а потом встретиться и поговорить. После чего он вернулся в Лондон.

– То есть оставил ее здесь убивать своего отца?

– Я бы сказала, что убийство – это была идея миссис Росс. Не говоря уж о том, что справиться с этим у нее было больше шансов. Понятно же, что ей не надо было быть в доме. Она знала: до полуночи муж не проснется, он поставил будильник на одиннадцать сорок пять. Она сама утверждает, что вернулась в половине двенадцатого. Это все вполне очевидно.

В подобном изложении происшедшее выглядело столь цинично, что моя решимость оправдать миссис Росс лишь усилилась. И вообще я начал терять терпение:

– И все-таки я не понимаю, чего вы хотели добиться, придя ко мне.

– Я надеялась вразумить вас, заставить понять, как это глупо. Все эти потуги доказать, что на миссис Росс вины нет. Ведь вы продлеваете ее агонию, только и всего.

– Разве вас не должны радовать ее мучения?

– Я пришла уговорить вас оставить эту... эту абсурдную затею, – твердила она. – И если жениться на ней в ваши планы не входит, то я вообще не понимаю, зачем вам это нужно. Короче говоря, я вас предупредила. Я сделаю все, что в моих силах, лишь бы вам помешать.

– Нимало в этом не сомневаюсь, – произнес я, в полной мере осознавая, какие побуждения порой приводят мужчин к непреднамеренному убийству, и с поклоном выпроводил ее вон.

Когда она ушла, я постоял некоторое время в раздумье. Было ясно, что кое в чем мисс Кобб, конечно, права. Все и каждый решат, что я ратую за миссис Росс потому, что испытываю к ней нежные чувства, тогда как на самом деле жениться на ней я вовсе не хотел. Я надеялся жениться на юной особе, с которой не так давно познакомился. Она была молода, чиста и не то чтобы простодушна, но было в ней нечто, что в наши дни в девушках встречаешь нечасто. Отец ее, человек состоятельный, владелец поместья «Башенки», отказывался толковать о помолвке, пока я не буду в состоянии обеспечить жене безбедную жизнь. Вот я и думал, разумно ли мне сейчас выступить с открытым забралом, объяснить, в чем состоит мой особый интерес к делу миссис Росс, и рискнуть репутацией – меня объявят охотником за состоянием. «Пожалуй, – пришла мне мысль, – в этом вопросе Банти сама станет моим лучшим судьей».

Раньше десяти утра явиться в «Башенки» было рановато, но едва пробило десять, как я был там. Лондон, решил я, подождет. В холле я столкнулся с полковником Фрайром.

– Хорош, нечего сказать, – прорычал он.

Я понял, что мисс Бейтс успела разбросать свои ядовитые семена повсюду.

– Простите, сэр, но у меня есть совесть.

– Хм. Жаль, что ее нет у той женщины.

– Вообще-то я пришел повидать Банти, – сообщил я.

– Понятное дело, что не для моей прекрасной компании. И все-таки я хочу с вами поговорить. Как раз насчет Банти, – бросил он через плечо, направляясь в свой кабинет.

Сердце мое упало.

В кабинете, закрыв дверь, он развернулся ко мне:

– Послушайте, судя по тому, что рассказывает мне Банти, вы за ней увиваться не перестали.

– От всей души надеюсь, сэр, что в скором времени смогу предложить ей руку и сердце, – уязвленный его тоном, заявил я.

– И на что думаете жить?

– На то, что зарабатываю писательством.

– И много выходит?

– В настоящее время – около восьмисот фунтов в год.

– Вот как? И вы считаете это достаточной суммой, чтобы содержать мою дочь?

– Люди живут и на меньшие средства.

– Однако вопрос еще и в другом, – воинственно продолжил он. – Насколько я понимаю, вы завязаны в этой истории с миссис Росс.

– Насколько я понимаю, вы этого не одобряете, сэр.

– Не одобряю?! – Он откинул голову и раздул ноздри так, словно собрался изрыгнуть пламя и испепелить меня. – Вот что я вам скажу, сэр: либо вы немедленно откажетесь от этой сумасшедшей затеи, либо я категорически запрещу вам видеться с моей дочерью.

Столь грозные речи, наверное, были в ходу в начале столетия, когда еще водились бесхребетные молодые люди, позволявшие собой помыкать, я же ощетинился всеми своими колючками.

– Ваша дочь совершеннолетняя, – напомнил я, – и, зная, как серьезно я к этому отношусь, никогда не захочет, чтобы я отступился от того, во что верю.

Прежде чем он успел ответить, дверь распахнулась, и на пороге возникла Банти.

– Ричард! – воскликнула она, переводя взгляд с отца на меня. – Мне сказали, что ты пришел.

– Я хотел повидаться с тобой, прежде чем поеду в Лондон. Это для меня очень важно.

– В Лондон?

– Да. Нужно встретиться с юристом. Это в связи с делом миссис Росс.

– Ты на ее стороне?

– Я должен попытаться помочь. Я спать не смогу спокойно, если не попытаюсь.

– Потому что считаешь, что она этого не делала?

– Насколько это возможно для смертного, который на месте преступления не находился, быть уверенным в невинности обвиняемой. Да, я считаю, что она этого не делала.

– Слеплен до безумия! – прорычал полковник.

– Если и слеплен, то уверенностью, – согласился я. – Банти, ты-то меня понимаешь? Банти повела себя совершенно как ангел.

– Конечно, я понимаю. Раз ты так настроен, Ричард, конечно, ты не можешь оставаться в бездействии. Я вот думаю...

– Да? – Сердце мое застучало сильнее.

– Может быть, я могу чем-то помочь?

– Банти! – загремел полковник.

– Ты прелесть! – одновременно выдохнул я.

Возмущенный возглас своего батюшки Банти пропустила мимо ушей. Подойдя ко мне, она положила мне руки на плечи.

– Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Я в тебя верю. Надеюсь, ты докопаешься до истины, какой бы она ни была.

– Еще раз повторю вам, сэз: если не прекратите лезть в это дело, я запрещу вам встречаться с моей дочерью. Мэри, – так он называл ее только в самых серьезных обстоятельствах, – ты меня слышишь?

– Это шантаж, – спокойно отозвалась Мэри. – И я не выйду за человека, которого можно утихомирить подобным образом.

– Никто и не говорит о том, чтобы ты за него вышла!

– Отчего же, мы часто об этом говорим.

– Но не со мной! – Полковник сделался лиловым от гнева.

– Да, милый папа, что толку говорить об этом с тобой, если ты считаешь Арнольда охотником за приданым? Как будто сейчас важно кому-нибудь, кто сколько зарабатывает! В жизни есть вещи и поважнее.

– И большую часть этих вещей можно купить только за деньги. Ты слышала, что я сказал, Банти?

Прежде чем ответить, она внимательно на него посмотрела:

– Да, я слышала. Значит, мы будем жить на то, что Ричард зарабатывает. Я всегда хотела уютный дом, и навести порядок в двух комнатах легче, чем в десяти.

И чему тут удивляться? Я недаром мечтал жениться на ней!

Я покинул дом, а в ушах у меня звучал голос полковника: «Я с вами не шучу, Арнольд. Вы из тех, кому не понравится работать так, чтобы достало прокормить двоих. Знавал я вашего брата!» Какие шутки! Похоже было, полковник настроен более чем серьезно. Я знал, что он хочет выдать Банти за Дерек Маркэма, и Дерек тоже не прочь. Одно время он Банти нравился; мне пришлось вылезти вон из кожи, чтобы обратить ее внимание на себя. Соединив усилия, отец и мать вполне могут уговорить ее вернуться к прежнему поклоннику. «И все равно, – стиснул я зубы, покупая билет до Лондона, – это не должно меня останавливать. Пусть даже мне грозит навеки разрыв с Банти, все равно я должен продолжить. Должен, и все». Вот так я тогда был настроен.

Глава 4

В Лондоне я отправился повидать человека по имени Крук, юриста с определенной репутацией, завидовать которой, как утверждали его недоброжелатели, стоило отнюдь не всегда. Это был крупный мужчина с длинным острым носом и повадками, по мнению некоторых, плута. Он соглашался на любую работу, если случай его интересовал. Знали его под прозвищем Надежда Преступников, и не раз полиция пыталась выудить у него сведения о неких юго-восточных бандах.

Как я уже сказал, имя его связывали с целым рядом процессов самых двусмысленных. И в самом деле он добивался успеха там, где законники с репутацией, сравнительно незапятнанной, терпели крах. К примеру, он участвовал в деле китайских галерейщиков в Плендерсе, а когда весь свет ополчился на члена парламента Хорсли, дескать, тот задушил жену, Крук отличился и там тоже. Моральные тонкости мало его интересовали, он был не слишком разборчив, но в том случае, если дело задевало его за живое, брался за него и, вцепившись, хватку уже не ослаблял. Сказать, что он подтасовывал улики, не могу, но была у него – что не отнять – поразительная способность предъявлять их суду в выгодном ему свете.

– Неужто не довольно с тебя суда? – приветствовал меня Крук. – Надеюсь, диваны были пружинные в комнате совещаний.

– Обошлось без диванов, – ответил я. – Нас не заперли на ночь.

– Твоими стараниями, как я понимаю.

– Новость уже разлетелась?

Крук ухмыльнулся:

– И это еще не все. Ты явился с этим делом ко мне!

– О, догадаться об этом много ума не надо. Зачем бы я еще явился?

– Ну, мало ли. Мог, например, сам влипнуть в какую-то неприятность. Отчего нет?

Такое случается с людьми самыми достойными, и не далее как вчера одна клиентка заметила мне, что мы здесь для того, чтобы помогать друг другу. Представляешь, огненно-рыжие волосы, трикотаж в черную полоску, вот такой изумруд на пальце, – прибавил он, явно видя даму перед собой, – физиономия вся размалеванная... И расписывает, что в беду попала в состоянии бессознательном, сама и не помнит как. От души надеюсь, что ей удастся убедить в этом суд. Так что же ты от меня-то хочешь?

– Хочу, чтобы ты помог мне предотвратить повторный судебный процесс. У всех силы когда-то кончаются, а миссис Росс, насколько я понимаю, уже на пределе.

– То есть если я раздобуду толику яда, ты просунешь ее между тюремных прутьев? Ты не в ту лавку попал, друг мой.

– Похоже, я единственный человек в Англии, считающий, что она невиновна, – вздохнул я.

– И ты просишь меня убедить в этом остальных? Я польщен, Арнольд.

– Правда ведь всегда доказуема, верно? – страстно спросил я.

– Спроси об этом теологов, и послушаем, что они скажут.

– Так должно быть на этот раз. Обзови меня как угодно, хоть идиотом, но мысль о том, что эта женщина пойдет на виселицу, выше моих сил.

– Ну так чем я-то могу помочь на этой стадии? Состряпать фальшивую улику?

– Если можешь да так, чтобы судья купился, да, сделай милость.

И тут он повторил то, что две женщины мне уже говорили:

– Послушай, тебя ведь не интересуется, убила она или нет, верно? Как, впрочем, и меня.

– Что? И тебя же?

Крук подмигнул.

– Для чего, по-твоему, существуют юристы? – спросил он. – Думаешь, чтобы соблюдать справедливость? Вот еще! Для того чтобы вытаскивать тех, кто загнан в угол, – причем чем теснее угол, тем выше гонорар. И нет безнадежней угла, чем тот, в который загнан преступник. В общем, когда речь о верховенстве закона, у меня прямо мороз по коже. Зримо представляю себе, как зябну в очереди за пособием. А вот когда речь о дельце вроде этого, где все заведомо вопиет, что благоприятного вердикта не жди, вот тут-то и понимаешь: денежки сами плывут к нам в руки!

– Однако ты циник! Прожженный!

– Ничего подобного. Обыкновеннейший деловой человек.

– Послушай, а ты веришь, что это она убила?

– Во что я верю, – отмахнулся Крук, – не имеет никакого значения. Ни малейшего. Значение имеет только то, в чем можно убедить присяжных. Причем в коридорах с ними договориться нельзя. Можно только убедить, заболтать их в судебном зале, порой даже вопреки их здравому смыслу. Ну, так с чего мы начнем?

– С того факта, что я убежден в ее невиновности.

– Ну, это на судью не подействует, и у тебя не будет случая повлиять на чувства следующего состава присяжных. Доказательства хоть какие есть?

– Нет пока. Одна интуиция.

– В профессиональных кругах это именуется предубеждением. Ну, по мне, все едино. Альтернативу какую-то предложить можешь?

– Вот тебе одни голые факты. Миссис Росс вышла из дому примерно в четверть десятого. Время она называет, ориентируясь на почтальона, который встретился ей у калитки, он обычно как раз в этот час приходит. Направилась она в кинотеатр, а домой вернулась после одиннадцати, в одиннадцать двадцать примерно. Из чего следует, что отсутствовала она около двух часов. Все это время в особняке находился только сам Росс да старая глуховатая горничная Марта, которая в десять отправилась спать. Так что в течение часа дом был практически пуст. Кто угодно мог войти незамеченным.

– Ну да, а дом Росса, он вроде пещеры Али-Бабы, сказал: «Сезам, откройся!» – и дверь распахнется?

– Да ладно, много есть способов войти в дом. У некоторых даже ключ мог быть.

– У кого, к примеру?

– Я вот подумал про сына. Ты же знаешь, что говорил Шерлок Холмс.

– Насчет того, что следует отбросить все невозможное, рассмотреть то, что осталось, сколь бы маловероятно оно ни было, и принять это за ответ? Конечно, знаю. Хотел даже над столом у себя повесить. Экономит массу хлопот. Это изречение должно стать так же популярно, как «Смейся, и весь мир рассмеется вместе с тобой». Итак?

– Понимаешь, единственный, насколько я знаю, человек, у которого был мотив, – это Гарри Росс.

– Сын, которого отец собирался лишить наследства?

– Да.

– А что он рассказывает о том, как провел этот вечер?

– Похоже, его толком не спрашивали. Признаков незаконного проникновения в дом полиция не нашла. Думаю, там сразу сошлись на том, что преступница – миссис Росс.

– Хорошо, что ты не в Германии. Получил бы там за такие слова три дня в концлагере. Что, предлагаешь мне подловить юного Росса?

– Да вот думаю, может, ты разузнаешь что-нибудь о его личной жизни, нужны ли ему деньги и все такое. Я буду действовать в открытую, мне так легче, а ты воспользуешься мной как завесой.

– Смотрите-ка, все он предусмотрел! Но ведь Росс наверняка насторожится. В чем же смысл?

– Понимаешь, я смотрю на это так. Предположим, я обращусь к нему и попрошу помочь мне вызволить его мачеху. Если он замешан в этом деле, то должен схватиться за мое предложение хотя бы из тех соображений, что так сможет следить за мной, быть в курсе моих действий.

– Мысль здравая, – кивнул Крук. – И пока ты его отвлекаешь, мы сможем исхитриться и воткнуть кинжал ему в спину. Что и говорить, у этой версии есть свои сильные стороны. К примеру, он хорошо ориентируется в доме. Но откуда он знал, что в тот час там никого не будет?

– Он мог и не знать. Я же не говорю, что убийство было преднамеренным. Сам я никогда не убивал, но очень хорошо представляю, каково это, когда мирные методы уже исчерпаны. Юный Росс знал, что утром отец собирается изменить завещание и оставить его нищим...

– Откуда он это знал?

– Миссис Росс предупредила его. Как раз в тот день специально ездила в Лондон. Написать отцу Гарри не мог, смысла не было. Отец, вернее всего, не распечатывая, швырнул бы письмо в огонь. Да и в любом случае письмо вряд ли заставило бы его передумать. Оставалось надеяться только на личный разговор...

– Как юрист тебе говорю: я против всех личных разговоров, – перебил меня Крук.

– Но ведь Гарри Росс не юрист. А потом, это был последний его шанс.

– Вижу, ты все продумал. Продолжай. Почему он не позвонил отцу?

– Потому что Эдвард бросил бы трубку. Он же говорил, что двери его дома для Гарри закрыты.

– Ага! Эта фраза эффектно прозвучит на суде. Конечно, в нынешних обстоятельствах он – наследник.

– Они оба наследники.

– Лицо, признанное виновным в преступлении, караемом смертной казнью, права наследования лишено. Однако я понимаю, о чем ты. У них одинаковые мотивы. По сути, у сына даже больше. В каких он отношениях с мачехой?

– В предосудительных, как утверждают недобрые люди.

– Доказательств, однако, нет?

– Если не считать того, что пару раз она ездила к нему на квартиру.

– А занимается он чем? Журналистикой? Но не слишком успешно, да?

– Да.

– Что-то я сомневаюсь, чтобы его квартира была подходящим местом для встреч. Конечно, с милым рай и в шалаше... Но миссис Росс следовало быть поблагоразумней.

– Да разве тот факт, что она открыто туда ездила...

– Открыто? Что, с ведома мужа?

– Н-нет...

– А написать не могла?

– Письма ее вскрывали и проверяли.

– А в городе что, ни одного почтового ящика?

– Ну, старый Росс мог подкупить хозяйку квартиры.

– Это да. Что ни говори, с математикой у него был порядок. А что сам сын думает по этому поводу?

– Не припоминаю, чтобы он высказывал свое мнение. В конце концов, пусть он рьяно защищает миссис Росс, это пробудило бы подозрения.

– Тогда как, не ударив палец о палец, он подозрений не вызвал, так? Ну да, в самом деле, на всех не угодишь. В общем, ничего удивительного, что ты склоняешься к тому, что виноват юный Росс, а не прекрасная дама.

– Ну, с Гарри я близко не знаком, но она по типу не из убийц.

– Ох, я тебя умоляю! Какие еще типы? Женщины, они все особенные. Как там у Байрона? «Мир – это сена стог, и всякая ослица на свой лад старается урвать...» Итак, Росс приехал повидаться с отцом. Кто впустил его в дом? Не Марта, она бы об этом сказала. Ты ведь не хочешь сказать, что старший Росс спустился, открыл дверь сыну, а потом снова улегся в постель и покорно дал себя задушить?

– Конечно, нет. Обрати внимание, я отнюдь не утверждаю, что Гарри в чем-то виноват. Но есть возможность выстроить защиту, чтобы возбудить сомнения у присяжных, и миссис Росс оправдана.

– Самое резонное твое высказывание за сегодня, – ехидно заметил Крук.

– Впрочем, лучше было бы предложить другую кандидатуру вместо нее.

– Подставить кого-то, значит. Ну ты и умник! Что ж, иди играй свою роль, а мы будем действовать из-за кулис. Только не вздумай увидеть в этом соревнование. Непременно поддерживай с нами связь и не мни себя таким Чарли Ченом³, который профессионалов может легко за пояс заткнуть. Нет, у тебя не выйдет, не обольщайся. – И, когда я уже был у двери, добавил: – А что, в случае счастливого исхода дело кончится флердоранжем? Верно? Я правильно понимаю?

«Похоже, – подумал я, – точка зрения полковника Фрайра становится популярной, и мне следует Бога благодарить, что Банти – девица разумная и вообще прелесть».

Гарри Росса, когда я к нему приехал на Вэйн-стрит, не было дома. Квартировал он в строении хоть и приличном, но обшарпанном, плохо освещенном и недорогом. Район Бейсуотер прежде считался респектабельным, но теперь задняя сторона дома выходила на угольный склад, а окна фасада – на овал, именуемый сквером и неровно поросший чахлой травой да пыльными кустиками лавра. Пока я выпрашивал хозяйку, когда можно ожидать Гарри, по четырем выщербленным ступенькам спустился молодой, коренастый джентльмен в очках, который включился в ситуацию.

– Может, через пять минут. А может, и за полночь, – лаконично сказал он. – С писаками этими никогда наверняка не скажешь. Иногда всю ночь его нет, а порой полдня приходит-уходит. Правильно я говорю, миссис Джаджес?

Миссис Джаджес хмуро подтвердила правоту этих слов.

– По мне, так джентльмен должен служить, как полагается, – сообщила она нам. – Когда мистер Росс пришел снять у меня комнату, мне было невдомек, как обстоят дела. Я не привыкла, чтобы жильцы по полдня дожидались подходящего дела. Еще немного, и извольте радоваться: он на пособии.

– Нет, мистеру Россу пособие не грозит, – уверил ее молодой человек.

– Только потому, что он даже пособия не заслуживает! – парировала она. – Ну так как, вы зайдете позднее?

Я помедлил с ответом. Атмосфера тут была не слишком гостеприимная.

– Пойдемте ко мне, там его подождете, – предложил молодой человек. – Думаю, он скоро будет.

– Журналистикой пробавляется, верно? – осведомился я и не потому, что сомневался в ответе, а потому, что всегда есть шанс, пусть даже отдаленный, что услышишь что-то полезное.

³ Чарли Чен – персонаж романов писателя Э. Д. Биггерса (1884–1933).

– Верно. И глупейшее это дело, скажу я вам. В мире и без того пустой болтовни хватает, а уж множить эту болтовню в печати... И куда это нас заведет? Вот моторы...

– Полагаю, это ваша специальность?

– Да. – Передвигаясь по комнате, он рассказал мне о себе. Звали его Кенуорд, работал он в гараже, Росса знал, но не то чтобы слишком близко.

– Несладко ему приходится. И мамаша Джаджес к нему не благоволит. Думаю, отправила бы его восвояси, если бы не этот шум вокруг миссис Росс. Вы ведь читали об этом деле наверняка.

– Еще бы я не читал, – кивнул я.

– Гнусное дельце, как ни верти. А мамаша Джаджес, она-то рада. Говорит, всегда знала, что добра от этой особы не жди.

– Что же такое она о ней знала?

– Миссис Росс приезжала сюда повидать Гарри. Мамаша Джаджес, я думаю, сомневалась в том, что она ему мачеха. Уж не знаю почему, но скорее всего вследствие грязного склада ума, – беззлобно сказал он. – Надо же ей чем-то утешить себя за то, что четырнадцать лет обихаживала пьяницу-мужа, да за сорок лет, что держалась на плаву. Я слышал, как она разговаривала с миссис Росс в тот день, когда у той мужа нашли мертвым. Чистая кошка, вынюхивающая, откуда вонь.

– Что значит разговаривала с ней? Миссис Росс в Лондоне не было.

– Да, но она с утра позвонила Гарри, чтобы сообщить ему новость. А того дома не было. Я, кстати, столкнулся с ним позже, на вокзале, он как раз выходил из поезда.

– В какое время это могло быть?

– Еще девяти не было. Видно, всю ночь работал. С газетчиками такое случается.

– Надо думать, не по себе ему было узнать такое... – предположил я.

– Да особой-то любви между ним и отцом, сдается мне, не водилось. Старикан оставил его совершенно без денег. Чертовски несправедливо это, особенно если знаешь, что поводом тому – всего лишь желание парня следовать своему призванию. Пусть даже и дурацкому призванию, соглашусь... Нет, не думаю, что смерть отца сильно его огорчила. А вот то, что мачеху его обвинили, это он переживал, да.

– Она была очень добра к нему, – вставил я.

Кенуорд посмотрел на меня свысока.

– Парень его лет не должен нуждаться в том, чтобы женщины, даже вторые жены его отца, были к нему добры, – произнес он нравоучительным тоном.

– А часто она сюда приходила? – как бы между прочим осведомился я.

– Я видел ее только один раз, хотя, думаю, она бывала здесь чаще. Шикарная на вид дама. Везет некоторым! В общем, убила она или нет, я ей сочувствую: придется пережить еще один процесс.

– Этого не избежать, если, конечно, не откроются обстоятельства, которые по-иному высветят эту историю.

– Да вряд ли, столько времени уже прошло!

– А помните дело Гаттериджа? Тогда полгода понадобилось, чтобы поймать убийцу.

В общем, ждал я, ждал и, наконец, оставил Россу записку, что вернусь после обеда. «Интересно, – думал я, – много ли разузнает Крук и как далеко в поисках он дозволит зайти мне. Терпеть ведь не может, когда лезут в его дела. Считает всех неумехами и дилетантами, и вообще это честь, что он допустил меня до участия в розыске».

«Неумехи! – говаривал он. – Дилетанты! Помогай им Господь. Начитались про Шерлока Холмса и рвутся играть на равных. Совсем как дети, когда те пробуют месить тесто».

Но все-таки я получил от него дельный совет.

«Протяни преступнику веревку достаточно длинную и можешь быть уверен, он сам полезет в петлю. Потому что, понимаешь ли, чертовски трудно поверить, что факт, известный тебе, не очевиден тому, кто рядом. Не у каждого столько здравого смысла, как у того парня, который, сложив важный документ чистой стороной наружу, сунул его в стойку для писем, в то время как у него дом переворачивали и вспарывали обивку стульев. Нет, преступник, как правило, принимает такие меры безопасности, что они только привлекают к нему внимание, да так, как никогда бы не было, если бы он держал язык за зубами. Точно так же самка чибиса поднимает шум, когда ты подходишь к ее гнезду, и ты понимаешь, что оно рядом, тогда как наверняка прошел бы мимо, даже если бы искал».

Глава 5

Вернувшись после обеда на Вэйн-стрит, я обнаружил, что юный Росс дома и меня дожидается.

– Кенуорд сказал, что вы меня спрашивали, но не знал для чего. Только то, что вроде бы речь о моей мачехе.

– Вы меня помните, я надеюсь, хотя в последние годы мы встречались нечасто, – сказал я, протягивая ему руку.

– Конечно, – ответил он, впрочем, без особенной радости.

– Я тот присяжный, что объявил особое мнение, – пояснил я.

– Да, точно! Мне как-то не пришло в голову... Но чем я могу помочь?

Он вытащил портсигар и предложил мне сигарету.

– Понятия не имею. На мой взгляд, если бы у вас имелось что сообщить по делу, вы бы давно это сделали. Или вы тоже считаете миссис Росс виновной?

Он щелкнул крышкой портсигара, захлопнув его.

– Да наплевать мне, глубоко наплевать, виновна она там или нет! Да, конечно, я понимаю, это был мой отец, но Богом клянусь, вы и представить не можете, каким он был узколобым и нетерпимым! Деньги были в его руках, «право кошелька», и он всю этим пользовался. Нам обоим не давал позабыть, что против этого оружия мы бессильны. Нет, запретить мне перебраться в Лондон он, конечно, не мог, но зато позаботился о том, чтобы я перебивался с хлеба на воду. На ваш взгляд, эта комната, наверное, выглядит просто убого, однако это сущий дворец по сравнению с теми, где я обретался в последние месяцы... – Он помолчал и продолжил: – Так чего, черт побери, вы от меня ждете?

– Скажите, были у вашего отца враги? – спросил я, сам не зная зачем.

– Таких, чтобы могли убить, нет, не было. Игра не стоила свеч.

– Но ведь миссис Росс тоже могла так считать, верно?

– Верно. Остается только убедить в этом суд.

– То есть вы всерьез полагаете, что она из тех женщин, которые способны придушить своего мужа?

Он «заметался» взглядом по комнате, словно не знал, куда деть глаза. То на одну стену посмотрит, то на другую, то на литографию с изображением котят в корзинке, то на огромный в раме эстамп, на котором, небрежно перекинув через плечо львиную шкуру, красовалась девица, а семейка тигров жадно поедала ее глазами.

– О господи! – наконец вскричал он. – Да я просто не знаю, что думать! Я сам не свой с тех пор, как это все началось. Поначалу, конечно же, не поверил. Но какие есть еще варианты? Не мог же он сам себя удушить. И потом этот камешек из кольца в постели, и подушка, измазанная в крови... От такого не отмахнешься, и объяснения не найдешь, разве только принять сторону одиннадцати присяжных.

– Там была горничная.

– Марта? Ну не станете же вы подозревать Марту! – Он хохотнул. – Отец ей даже гроша не оставил.

– И ключа от дома ни у кого не было?

– У меня был, когда я там жил, но отец отобрал его перед отъездом.

– Значит, он мог дать ключ кому-то еще.

– Мог, в принципе... Но кому? Разве что Айрин Кобб? Но она в жизни бы его не убила. Она обожала его.

– А что он сам о ней думал? – поинтересовался я.

– Ну, что она полезна. Слишком навязчива, может быть, но скорее всего ему это льстило. Господи, вы что, подозреваете, что между ними что-то могло быть?

– Нет, конечно же, нет.

– Да вообще, – убежденно воскликнул он, – разве может женщина удушить мужчину из-за того, что тот не влюблен в нее! Нет, она никак не могла. Такие страсти, на мой взгляд, не по ней.

– Разумеется, я ничего подобного и не предполагал. Однако мы не вправе упустить ни малейшей возможности, чтобы разгадать это дело, даже самой маловероятной, и если вы согласны со мной, что ваша мачеха невиновна, то, следовательно, виновен кто-то еще.

– И вы думаете, это могла быть мисс Кобб? Ах, ну да, вы же писатель! Тогда, конечно, вам положено всюду видеть интригу. Психологический роман можете выстроить на этой истории, роман с героиней, страдающей от несчастной любви.

– Ну, жизнь-то, она переплюнет любой роман, – сухо заметил я.

– Ну, если она обезумела, потеряла голову... – помолчав, проговорил он. – Но вообще-то как-то не верится, чтобы она могла... Впрочем, если припомнить вот что... Айрин как-то прислала мне письмо, уже после того как я уехал. Письма этого у меня нет, но я очень хорошо его помню. Она как-то прознала, что Виола передала мне некоторую сумму, и написала, что, уехав, я сделал ситуацию невыносимой. Раз уж я решился жить самостоятельно, написала она, то тогда по меньшей мере не должен брать денег отца. Он, дескать, в отчаянии и запретил ей видеться со мной, Виоле запретил то есть. Совершенно истерическое письмо. Она не могла не знать, какое воздействие оно на меня окажет.

– Вот именно. Интересно все-таки, был ли у нее этот ключ.

– Да если и был, сейчас она наверняка уже вернула его на место. Ведь на следующее утро она буквально вломилась в дом! Виола мне об этом рассказывала. А что, вполне в характере роли. Этакая невинная секретарша-энтузиастка... Но как тут что-нибудь доказать?

Я пересказал ему теорию Крука насчет веревки.

– Тут есть еще один нюанс, – сказал Гарри и даже несколько побледнел. – Довольно гнусный нюанс, но, думаю, лучше будет нам с вами его обсудить. Видите ли, в этом письме она высказала предположение, что... что Виола приезжала сюда, движимая иными побуждениями, чем просто привезти деньги или повидаться со мной. Только представьте! В конце концов, я сын ее мужа. Она знала меня с детских лет.

– Мисс Кобб в самом деле так написала?

– Да.

– Эх, жалко, что вы порвали это письмо.

– Жалко? А вы стали бы такое хранить?

Поневоле пришлось согласиться, что вряд ли.

– У меня есть один к вам вопрос, и заранее прошу простить за нескромность. А между вами что, и впрямь никогда не было подобных чувств?

– Никогда! – с самой истовой серьезностью ответил он. – Она была чертовски привлекательной женщиной и сто очков наперед могла дать любой из девиц, с которыми я встречался, но при этом я смотрел на нее только как на жену отца. Только и исключительно. Никогда в жизни не думал о ней в каком-либо ином свете. Мне было ее жаль, потому что жизнь у нее была несладкая. Она и сама это признавала, и, больше того, она собиралась уйти от отца. Так она мне сказала. Не могла больше его выносить.

– Она не один раз к вам приезжала?

– Да. Для нее тут было прибежище, а я – единственный человек, с которым она могла поговорить по душам. С малознакомыми людьми не все обсудишь, а таить все в себе, бывает, нет сил. А кроме того, она держала меня в курсе событий. Ей хотелось, чтобы мы помирились.

- А отец был к этому готов?
- Только на его условиях и то, я думаю, короткое время. Но я нет, не был.
- Даже для того, чтобы порадовать миссис Росс?
- Даже для этого.
- Вы упомянули, что она сообщила вам о своем намерении с мужем расстаться?
- Да, сказала, что положение стало невыносимым. Он грубил ей, унижал при слугах.

Думаю, Марстон переполнен слухами.

- Она делилась с вами своими планами?
- Сказала: пойдет работать. А что? Характера у нее хватает.
- Не сомневаюсь, но найти работу непросто даже женщине с сильным характером.

Знаете, вашему отцу было с ней, видимо, нелегко.

- А ей с ним и того хуже. А потом... – Он запнулся и замолчал.

– Да?

– Не хотелось бы, чтобы об этом трезвонили направо-налево, но отцу моему грозило увольнение, и он это знал.

- Кто такое сказал?

– Беллман. Я ходил повидаться с ним, когда был в городе. – Беллман был директором школы, в которой служил Эдвард Росс.

- Он объяснил, в чем причина?

– Я так понял, что в некомпетентности. Отца предупреждали не раз, но он до того был увлечен этим своим задачиком, что запустил основную работу, и его класс отбил от рук.

- Послушайте, это совершенно иначе поворачивает все дело...

– Да? И все-таки я не вижу, какой от этого толк... Ах, вот если бы Господь заставил людей поверить, что она ничего такого не делала! Передать не могу, каково мне было неделя за неделей знать, что я ничем, ничем не могу ей помочь!

Тон, каким он это произнес, был на градус горячее, чем стоило ожидать от пасынка. В груди моей зашевелилось подозрение. Опасение, раньше лишь теплившееся, теперь обрело форму. Не лукавит ли сей молодой человек, утверждая, что испытывал к мачехе всего лишь ту смешанную с восхищением почтительность, которая причитается супруге отца и красивой женщине? Может, почтительностью дело не ограничивалось? Может, инсинуации Айрин Кобб, что эти двое состояли в любовной связи, имеют под собой основание? Мысль была гадка, но назойлива.

– Да, отвратительная история, – пробормотал я. – Одна надежда, что удастся отыскать нечто свежее, какие-то факты и обстоятельства, выстроить новую линию обороны... Нужна, понимаете ли, какая-нибудь деталь, мелкая, но жизненно важная, пустяк, прежде не привлекавший внимания. Конечно, это легче сказать, чем сделать. Вот вы, вы хорошо ее знаете, Виолу, может быть, лучше, чем кто-то другой...

Гарри искоса на меня глянул.

– Да нет, я вот сам часто думаю, знал ли я ее вообще, – помолчал и продолжил, чуть сбавив тон: – Она очень мне нравилась, чрезвычайно, пусть и не в том смысле, какой вы в это вкладываете. Она обворожительное, волнующее создание, она всюду привносит с собой дух приключений. Рядом с ней жизнь кажется интересней, чем на самом деле. Я сказал вам, что не верю в то, что она это сделала, и это чистая правда. Но при этом я верю, что сделать это она могла. И это слова, которых не скажешь про большинство женщин и даже, если на то пошло, мужчин. И не потому, что у них высокие принципы и они гуманны, а потому что, как говорится, кишка тонка. – Если они были в любовной связи, то сейчас юный Росс очень ловко, просто мастерски морочил мне голову. – Воспринимай я ее в каком-то ином, романтическом свете, – продолжал он, – разве я мог бы брать у нее деньги? Как вы думаете? Ну конечно же, нет, хотя, видит Бог, в деньгах я нуждался. Однако она выручала меня и не

один раз. И я брал эти деньги, не дрогнув, ведь они были из папашиного кошелька. Но порой мне казалось, что она и впрямь боится того, что способен выкинуть мой папаша.

– Да бросьте, – возразил я, – она не из пугливых.

– Это противоречит ее темпераменту, согласен, но подумайте сами, каково ей было с ним жить? Она была замужем одиннадцать лет и, сдается мне, добрую половину этого срока глубоко несчастна. Именно это настроило меня против отца, именно это, а совсем не то, как он со мной поступил.

– Обвинитель заметит по этому поводу, что у вашего отца имелись свои резоны. На суде обсуждалось, – тут я посмотрел на него очень внимательно, – не приезжала ли она в Лондон, чтобы встретиться с любовником.

Он побелел, протянул руку, чтобы ухватиться за каминную полку, и тихо проговорил:

– Нет, я не верю. Не может быть.

Я не знал, что и думать.

– Ваш отец явно ее подозревал.

– Я знаю. Но такое ведь невозможно, правда? Так она поступить не могла. То есть понятно, что она хотела уйти от него, но не так же! Это выставляет мужчину уж совсем каким-то болваном.

По-прежнему сомневаясь в его уверениях относительно невинности их с мачехой отношений, я не мог не думать о том, что сама жизнь сделала нас союзниками в борьбе за Виолу Росс. Однако же при этом мы с Круком вступили в заговор с целью перевалить вину на Гарри Росса, и мне было неловко. Глядя, как стискивает он руки при разговоре, я поневоле обратил внимание на то, какие они у него мускулистые. И все-таки мне не хотелось, чтобы он занял место Виолы на скамье подсудимых. Я предпочел бы увидеть там какого-нибудь неизвестного мне парня, с которым я не был знаком. Но если окажется, что юный Росс был ее любовником, тогда вся моя жалость к ней развеется по ветру. Такой поворот событий был для меня совершенно непереносим.

– Я вам сейчас скажу нечто ужасное, – повернулся ко мне юный Росс, – пожалуй, думать такое про родного отца – страшный грех. Как вы думаете, есть вероятность, пусть даже самая ничтожная, что он сам это сделал?

– Что? Удушил себя?

– Мог он такое сделать?

– Сомневаюсь. И главное, зачем?

– Ну, как же. Во-первых, ему грозило остаться без работы. Во-вторых, он понимал, что теряет жену. Он понимал, что она не из тех женщин, кто останется без мужчины, и что она, как только уйдет от него, верней всего, сочтет себя вправе жить так, как ей вздумается. Что ему оставалось? Он ведь чудовищно ее ревновал. Ревновал, это мы знаем, иначе не устраивал бы в доме этих переселений из комнаты в комнату. Итак? Что можно возразить?

– Кровь на подушке? – предложил я.

– Сам мог замазать.

– Будильник в шляпной коробке?

– Вполне в его духе.

– Камень из кольца?

– У него единственного была возможность и выковырнуть камень, и бросить его в постель. И никто бы об этом не прознал.

– Однако удушить себя? Черт побери, нет, это в голове не укладывается!

– Да вот не знаю... Так мы смогли бы объяснить и появление сыщика, и тот факт, что отец послал за своим поверенным. В конце концов, лишив ее наследства, он лишал себя последней возможности ее удержать.

– И сам, своими руками организовал все так, чтобы умереть в ночь перед тем, как изменить завещание?

– Конечно. Именно таким образом он обеспечил ей мотив преступления!

Звучало заманчиво, но принять такую версию я не мог. В медицине я не силен, но поверить, что человек сам себя душит подушкой, а потом отбрасывает ее на стул? Да, придумано остроумно, но маловероятно.

Гарри Росс, однако, так легко не сдавался. Он сделал еще несколько безумных предположений, ни одно из которых не выдержало бы и пары минут перед здравым смыслом присяжных заседателей.

– Тогда, значит, есть какая-то иная разгадка, – вскричал он, – и нам необходимо найти ее! Видите, мы ходим кругами, все время возвращаемся к одному и тому же и получаем один и тот же ответ: Виола.

Это испытанный художественный прием, когда преступник отчаянно ищет способа оправдать невиновного. Я, почему-то всегда считавший такой прием надуманным и сугубо литературным, нынче был свидетелем его использования.

– И знаете, – снова заговорил юный Росс, – самое неприятное здесь то, что, пойдя ход вещей чуть иначе, я, вполне вероятно, смог бы предотвратить преступление.

– Вы? – уставился на него я. – Каким это образом?

– Да. Той ночью я был поблизости, в Селби, это соседняя с Марстоном железнодорожная станция. И почти что надумал навестить старика, а потом решил, что он наверняка откажется меня видеть, и тогда я пропущу последний поезд на Лондон, а ведь мне утром надо было бежать по делу.

– Но что вы там делали?

– Помните то недавнее ограбление в Селби? Многое из украденного, меха и прочее, отыскать так и не удалось.

– А разве не было принято объяснение, что добычу переправили за границу?

– В полиции, конечно же, именно так все и объясняли. Они всегда на границу ссылаются, если прошляпят дело. Но доказательств никаких нет. И тогда мне пришло в голову, что добыча спрятана где-то там, а преступники выжидают, когда утихнет шумиха. Я там отлично ориентируюсь на местности. Мальчишкой все облазил и помню ужасную историю, которая произвела на меня огромное впечатление, когда мне было лет девять. Пропал мальчик, который учился со мной в школе. Люди винили цыган, а его мать думала, что его убили. Потом, примерно через неделю, из тех же мест исчезла маленькая девочка, но ее тело через какое-то время нашли. Ее убили каким-то ужасающе гнусным образом, и все склонялись к тому, что негодяй, на котором лежит смерть одного ребенка, ответствен и за пропажу другого. Но год спустя тело мальчика обнаружилось. Лежало в таком полом месте в земле, вроде норы или тесной пещерки. После дождя было скользко, он остутился, сполз туда и застрял, как в ловушке, под землей. Кричи не кричи, никто его не услышал. Ужасная штука. Тот, кто поскользнулся вторым, обнаружил вход, власти поставили там знак с предупреждением, и больше трагедий не было. Но мне пришло в голову, что, если грабители местные, отчего бы им, зная про эту пещерку, не спрятать свою добычу там? Наверное, вам эта идея покажется дикой, но мы, газетчики, готовы на все, чтобы раздобыть что-то погорячее. Сенсация нужна, что ты скажешь! Необычное что-нибудь, почуднее или на злобу дня, а пуще всего то, про что другие еще прознать не успели. Тут, понимаете ли, всегда кроется шанс. Согласен, вероятность, что краденое окажется там, был один к ста, но я был в отчаянии и решил проверить. Поехал в Селби и направился за город. Когда добрался до места, увидел, что старого указателя нет, то ли убрали, то ли украли, кто его знает. Вид был такой заброшенный, такой дикий, словно там много лет ничья нога не ступала. Пошел по тропке, которая вела к пещере, и увидел, что она совершенно завалена, никакой надежды туда вообще проникнуть. Отчаялся,

но меня не покидала мысль, что еще немного, и я утру нос полиции. Я принялся рыскать по округе, то к заброшенной штольне схожу, то к колодцу пересохшему, где в принципе что-то можно припрятать, и в общем все без толку, ничего не добился.

– Вы так и не добрались до отцовского дома?

– Нет. Господи, как же мне жаль, что этого не случилось. Я смог бы предотвратить несчастье. Но время уже было позднее, а поезда ночью ходят нечасто.

– Долго вы, надо полагать, там бродили, – сказал я.

– Да уж. Все пытался припомнить, где может быть еще местечко поукромней.

– И, вероятно, встретили кого-нибудь из знакомых? Это ведь почти что ваши родные места, верно?

– Сказать по чести, не встретил ни единой живой души. Я ведь сказал: округа выглядела заброшенной и безлюдной, а в город я не зашел. А потом я ведь в Марстоне последнее время бывал только на каникулах. И мои школьные приятели, они, конечно, были совсем не из Марстона.

«Очень ловко, – подумал я, – и, если судить поверхностно, вполне достоверно. Никого не встретил на станции, из служащих там его никто не признал. Долго ли проверить билет, а контролер билетный – мальчишка шестнадцати лет. Нет, никаких нет причин, чтобы его увидели и запомнили. И для него это чрезвычайно удачно».

– И вы сели на последний поезд?

– Да. Выпил рюмку в «Птичьей клетке» и успел на 9.49. Как раз к полуночи был дома.

– И вряд ли в вагоне была толчея?

– Да, всего несколько рабочих, и те сошли, не доезжая до Лондона.

– Вымотались, наверное, устали после такой-то прогулки. И перекусить было негде.

– Нет, мне повезло. Перекусить удалось. И хотя я вернулся поздно, миссис Джаджес, она понимает, что газетчики народ сумбурный. Я открыл дверь своим ключом и увиделся с ней только наутро, когда вышел купить газеты. Вернулся, а она у телефона, как раз переговорила с моей мачехой.

В общем, так или иначе, но мои изначальные подозрения подтвердились. В ходе нашей беседы шаг за шагом я проникался к парню доверием. Столь искренне вошел в роль союзника, что по крайней мере на какое-то время сам позабыл, в чем суть моей миссии, тогда как миссия состояла в том, чтобы заменить кем-то, все равно кем, миссис Росс на скамье подсудимых. При этом юный Росс с таким неподдельным жаром посыпал голову пеплом и сопереживал страданиям своей мачехи, что я понемногу проникся мыслью, что обвинить в преступлении этого человека невозможно. И что же? Все это время Гарри просто старался замаскировать один чрезвычайной важности факт: в ту злосчастную ночь он не ночевал дома.

Разумеется, откуда же ему знать, что я уже переговорил с Кенуордом! Возможно, Гарри не знал и о том, что Кенуорд в то утро был на вокзале и видел, как он выходит из поезда... Судя по косвенным признакам, я сделал вывод, что особенной дружбы между инженером и Россом не было. А что касается квартирной хозяйки, Росс, видимо, полагал: она поверила, что он выходил за свежими новостями. Для того он держал под мышкой ворох газет. Ну конечно же, с чего вдруг ему понадобилось столько газет именно в то утро? Чтобы объяснить свой якобы ранний выход из дому.

Отсюда следовало, что на последний поезд он не успел. Вернулся, вероятно, первым составом, который везет в Лондон рабочих. Значит, ту ночь он провел в окрестностях Марстона. Зачем он туда поехал, остается тайной, иначе бы он об этом сказал. В эту ночь умер его отец. Сын в этой смерти был заинтересован ничуть не меньше, у меня это не вызывало сомнений, чем жена. Более того, судя по манере исполнения, преступление выглядело делом

скорее мужских рук, чем женских. Гарри Росс сказал, что ключа от входной двери в дом отца у него не было. Любопытно, что можно извлечь из этого факта...

– Послушайте, – сказал я. – Давайте-ка поддерживать связь. Один бог знает, где сейчас настоящий убийца и что у него в голове. Если он нас заподозрит, может произойти следующее несчастье. В конце концов, дважды не повесят, и если мы будем сотрудничать, никак этого не афишируя, по крайней мере останется хотя бы один из нас. И вообще работа в паре имеет множество преимуществ.

Он согласился не раздумывая. Кто знает, может, с моей стороны это был ход рискованный, но положение в целом было не слишком благоприятным. Провоцировать второе убийство мне хотелось меньше всего, однако порой попадаешь в рискованные ситуации, которых не избежать.

Спустившись по лестнице, в холле я заметил хозяйку.

– Нет ли у вас, случайно, свободной комнаты? – спросил я.

– Для вас?

– Да. Дело в том, что я много бываю в Лондоне, а в гостиницах оставаться удобно отнюдь не всегда. В ближайшие месяцы я предполагаю бывать здесь часто. Так вот, если есть что-то свободное... Мне нравятся тихие дома...

– Тише, чем у нас, не найдете. Как скоро вы хотели бы въехать?

– Да хоть сразу, сейчас же, если найдется куда.

– На вашу удачу, да, найдется. Наверху есть свободная комната.

– Наверху?

– Да, и это значит, что никто не будет топтать у вас над головой, что уже неплохо. Окно выходит на север, но скоро лето, и значит, там будет в самый раз, прохладно. И вы сможете работать там, если понадобится. Мистер Кенуорд редко бывает дома, а мистер Росс обедает где-то еще, но если предупредите заранее, я могу и сготовить.

– Скорее всего я буду много бывать в городе.

Она проводила меня наверх, в просторную комнату под самой крышей со скошенным потолком и окном, к которому вел узкий, туннелем, проход, а вид был на бесконечно длинные ряды крыш. Подобные зрелища всегда действует на меня ободряюще. Мне нравится чувствовать себя в гуще городской жизни, наблюдать движение транспорта, бурление людских страстей. Обставлена комната была крайне скудно, но огорчить это меня не могло. Достаточно того, что, поселившись здесь, я смогу быть в курсе того, кто приходит к юному Россу, и следить за его перемещениями.

Миссис Джаджес высилась посреди комнаты как воплощение солидности. Руки крестнакрест сложены на груди, физиономия суровая и подозрительная.

– Четырнадцать шиллингов, – сказала она, – и это почти даром, учитывая, что дом самый почтенный, чего о соседских скажешь отнюдь не всегда.

Я безропотно согласился и заплатил за две недели вперед.

Глава 6

Внешность Крука вполне отвечала его имени: это был крупный, смешливый, пузатый мошенник, повадками сильно напоминавший букмекера с ипподрома, ни малейшего сходства с теми юристами-джентльменами с Риджент-стрит, с мясистыми, лопатой, ручищами и пронзительными серыми глазками, которые ничего не упустили. Скажи мне кто, что его выгнали со скачек за нечестную игру или вычеркнули из списка адвокатов за нарушение профессиональных норм, я бы ни секунды не усомнился. Он и не выглядел respectable, и вел себя не как джентльмен – сказать по совести, у него и намерения такого не было, – а уж клиентура его вызвала бы самый живой интерес у уголовной полиции. При этом свободным временем он вовсе не располагал, и список записанных к нему на прием длиннее, чем у многих особ, куда более известных. Однажды он мне сказал: «Моя контора не церковь, бумажка с десятью заповедями тут к стене не прищиплена. Но если тебе есть чем платить, я к твоим услугам. Репутация, она, знаешь ли, дорогого стоит, и платить за нее приходится куда дороже, чем очень многие думают. Но, с другой стороны, оно ведь того стоит! Когда бы моральные ценности не значили в обществе так чертовски много, кому бы они сдались! Найди мне того болвана, который захочет безгрешности ради нее самой!»

– Я тут выяснил кое-что про твоего знакомца, – вместо приветствия сказал он. – То есть это Билл Парсонс, помощник мой, выяснил. Дела у твоего Гарри Росса – хуже некуда. Думаю, папашина идея изменить завещание ранила его в самое сердце. А потом нет никаких сомнений, что старый Росс питал подозрения насчет отношений сынка с миссис Росс. И сказать по правде, Арнольд, она и впрямь вела себя безрассудно. В конце концов, юноша хорош собой, и если намерением ее было всего лишь отвезти ему денег, как они оба божатся, отчего бы ей не послать их почтой? У себя дома старый Росс, конечно, был царь и бог, но над почтой ее величества он не властен! Или из Лондона могла отправить их заказным письмом. Единственное, чего никак не стоило делать, так это приезжать к парню на дом!

– И все-таки, – не согласился я, – они вроде бы никогда не назначали свиданий. Однажды ей пришлось целый час его дожидаться.

– Человеческое сердце, – изрек Крук, толстым пальцем ткнув себя в нос, главенствующий на его хитровой физиономии, – оно обманчиво, это во-первых, а во-вторых, крайне порочно. Говорят же, не так ли, «заметь себе ссылаться может черт на доводы Священного писания»⁴. И поверь мне, лучше черта с этим никто не справится. Вот если бы она всегда заставляла сынка дома, тогда папаша Росс и впрямь счел бы, что у него рога, а ему и так головной боли хватало.

– Что-то тут не вяжется, – сказал я. – Хорошо бы этот твой Парсонс разобрался с тем, как Гарри Росс провел ту ночь, когда произошло преступление. Сам он поет, что поспел на последний поезд, сделал пересадку и в Лондоне был около полуночи. Однако Кенуорд, свидетель беспристрастный и незаинтересованный, клянется, что видел его на вокзале примерно в восемь тридцать утра. Я сверился с расписанием, и это как раз то время, когда на вокзал «Виктория» приходит первый лондонский поезд, «рабочий», как его называют.

– То есть мысль твоя состоит в том, что он был у папаша и укукошил его?

– У кого-то он был, это определено, и не хочет об этом распространяться. Если не у отца, то где же?

– Сдается, тебе не терпится увидеть, как он раскачивается, а? – ухмыльнулся не без злорадства Крук.

– Уж лучше он, чем бедная миссис Росс.

⁴ Шекспир У. Венецианский купец. – Перевод П. Вейнберга.

– А леди-то сама в курсе, как заботит тебя ее будущее?

Я почувствовал, что краснею.

– Откуда? Для нее я всего лишь безымянный присяжный заседатель, один из дюжины. Я с нею, конечно, знаком, но не более того.

Крук покачал головой:

– Не обольщайся, Арнольд. Шла бы речь о мужчине, тогда да. А женщины – это совсем другое. Логика они лишены, но зато обладают качеством, зачастую более полезным, чем логика. Можешь назвать это инстинктом. Женщина, которой грозит смертная казнь, каждого из заседателей рассмотрит самым внимательным образом и оценит, потому что в его руках ее жизнь. К концу процесса она скорее всего уже знает, кто из них ей непримиримый враг. Если миссис Росс сообщили, что один человек спас ее от единодушного приговора, думаю, она сразу же догадалась, кто ее благодетель. Ни на секунду не воображай, что ты для нее незнакомец. В ее сознании ты связан с самым страшным переломом, какой только бывает в судьбе. Такое не забывается. Она и через десять лет тебя узнает на улице, если, конечно, будет в состоянии кого-то узнать.

– Я вот как раз думал, – робко спросил я, – стоит ли мне навестить ее? Или лучше остаться в стороне? А?

– Хочешь сладить с женщиной, Арнольд, помни, что второе имя ее – Тщеславие. Это касается всех, включая самых достойных. И не они в этом виноваты. Так их создал Всевышний нам на удачу. Это орудие, благодаря которому мы можем хоть как-то с ними управиться, они ведь как ртуть, женщины! – Тяжко вздохнув, он уперся подбородком в свой огромный кулак. – Вот она этакая в одну минуту и совсем другая в другую! Да, нам повезло, что правит ими тщеславие. Только оно не дает им совсем сбиться с курса. Кстати, так ты решил? – Была у него сбивающая с толку привычка возвращаться в разговоре к вопросу, давно забытому.

– Что именно?

– Решил ты на ней жениться?

– Я, должен тебе сказать, обручен совсем с другой девушкой, – сообщил я.

– Вот как? Да, значит, положение усложняется. В этом деле вообще все непросто. Прежде всего могу тебе сообщить, что твой птенчик попал в переплет. Он играет. На скачках. А букмекеры – совсем не та публика, с которой полезно ссориться. И, думаю, папаша Росс не испытывал никакого сочувствия к тем, кто водил с ними компанию.

– Так, значит, Гарри позарез были нужны деньги! – воскликнул я. – А мне он этого не сказал.

– А ты думал, он с ходу перед тобой всю душу раскроет? – усмехнулся Крук. – Преподнесет на блюдечке с голубой каемочкой? Нет, помнишь, что нам заповедовал дьявол? Блажен не ждущий милостей... Хочешь добиться чего-нибудь – встань, выйди и поработай!

– Значит, ты думаешь...

– Ну-ну-ну! Не за то мне платят, чтобы я думал, а за то, чтобы спас даму, если такое возможно. Думать – дело чреватое.

Я принял совет Крука и не стал встречаться с Виолой. В сложившихся обстоятельствах было как-то нелепо обсуждать с ней, не усадить ли нам Гарри Росса на ее место. Я решил, что разумней сначала самому разобраться в этой истории, а уж потом предъявить свои выводы судебным властям. И хотя меня по-прежнему мучило подозрение, что они с Гарри – любовники, я решил, что рано или поздно это как-нибудь выяснится.

Вернувшись в Марстон, я пошел взглянуть на «Лавры», дом, в котором произошло преступление. Он был заперт и пуст. Марта устроилась работать по соседству. «Не поговорить ли мне с ней, – подумал я. – Стоит ли? По своей воле она вряд ли поможет, она ведь на стороне Эдварда и скорее всего очень не прочь, чтобы его вдову прилюдно повесили». Однако, решившись не упускать ни единого шанса, я раздобыл адрес и смиренно подошел к

задней двери того дома, где служила Марта. Она была не из тех, с кем легко сработаться, и последние пять лет горничные в «Лаврах» то и дело менялись, так что, проявив здравомыслие, она заняла пост при престарелой даме, у которой другой прислуги не было.

Время своего появления я тщательно рассчитал. Дождавшись, когда ворчливую старуху усадит в машину шофер со скучающим лицом, укроет пледом, несмотря на то, что вечер был теплый, и наконец укатит, я позвонил в дверь. На пороге появилась сама Марта. Разумеется, она признала меня, но взгляд ее выражал лишь враждебность.

– Добрый вечер, Марта. Не могли бы вы уделить мне десять минут? – сказал я.

Она пробормотала что-то про столовое серебро.

– Я вам не помешаю. Можете чистить свое серебро, а я пока с вами поговорю, – настаивал я, очень хорошо понимая, что хотя помогать мне в ее планы не входит, она, с другой стороны, вряд ли в силах отказаться от вознаграждения, что мог сулить мой визит.

Неохотно Марта пригласила меня войти.

– Если это насчет миссис Росс, то помочь я ничем не смогу, – проворчала она.

– Почему вы думаете, что это насчет миссис Росс?

– А иначе бы зачем вам сюда приходиться?

– Логично. Да, вы правы. Это насчет миссис Росс.

– На суде я все рассказала, добавить мне нечего.

– Вы хотите сказать, что ответили на все вопросы, которые вам задали. Это не одно и то же.

– Вы это про что?

– Я был присяжным и не согласен, что обвинение против миссис Росс доказательно.

– Зато все остальные согласны.

– Потому-то я и пришел к вам сегодня. Я хочу их переубедить.

– И чем я, по-вашему, пригожусь? – От ее тона скисло бы даже молоко.

– Вы отправились спать в десять, не так ли?

– Да.

– И спите вы крепко?

– Поневоле, знаете ли. Падаю с ног к вечеру. Это такая обуза, тащить на себе дом!

Особливо когда эти девчонки делают все не так и не там.

– А миссис Росс ушла сразу после девяти?

– И что?

– Значит, в промежутке между десятью и половиной двенадцатого дом, можно сказать, обезлюдел. Войди кто-нибудь, вы ведь не услышали бы этого, верно?

С явным нежеланием, но она кивнула, пробурчав:

– Да кто, по-вашему, мог бы туда войти?

– Я пока этого не знаю. Но вы сами согласились, что кто-то мог бы.

– И как бы он это сделал? Задняя дверь заперта на ключ и на засов. Самолично проверяла, закрыто ли, каждый вечер, как только приходящая прислуга уйдет.

– Побаиваетесь бродяг?

– Если и побаиваюсь, то у меня есть для того причины. Не слышали, что ль, про то дело в Манчестере, когда служанку нашли на кухне с перерезанным горлом, а негодяя, кто это сотворил, так и не отыскали?

– Вы считаете, такое может случиться здесь?

– Да тут такое случилось, – со значением вымолвила она, – что чего хочешь ожидать можно.

– Значит, вы уверены, что в ту ночь заперли заднюю дверь?

– Я на Библии в этом клялась.

– И парадную дверь тоже?

– Там автоматический американский замок, его не вскрыешь.
– А нет других способов войти в дом? Через окна, к примеру?
– Все окна заперты на задвижки, я сама об этом забочусь. То есть те, конечно, что на первом этаже. А в окна второго можно попасть, только если этот тип, о котором вы думаете, летает вроде как муха.

– Других выходов нет?

– Есть тот, что из холла ведет в сад.

Я так и подскочил.

– Ну как же! А сад спускается к проулку? Литл-Дэвид-лейн, да? У всех домов на этой улице сады к этому проулку спускаются, и в каждый сад в стене есть калитка. Так что любой может свернуть туда с Ромэри-стрит, толкнуть деревянную зеленую дверь. Та ведь вряд ли закрыта, верно?

– Ключ, может, и есть, но я его никогда не видала. Той калиткой так и так никто никогда не пользовался. Все приятели мистера Росса и ее друзья тоже входили через парадную дверь, а мои знакомые и торговцы приходят к задней.

– Предположим, кто-то пришел через сад...

– Зная, что в доме никого нет? С чего бы это?

– Он мог этого не знать. Он мог прийти повидать мистера Росса, а когда увидел, что окна все темные... Кстати, в холле горел свет?

– Я выключила, когда пошла спать. У мистера Росса и так расходов хватало, нечего деньги на ветер швырять.

– Если бы он позвонил в дверь, кто-нибудь бы услышал?

– Нет, никто.

– И если то был человек, который знал расположение дома, он, наверное, обошел бы дом, посмотрел, не горят ли там окна?

– Отчего же, мог и сходить.

– В этом случае он бы прошел садом?

– Да.

– Мог он, предположительно, из сада войти в дом той дверью, что из холла?

Старуха призадумалась.

– Мог? – настаивал я.

– Нет, только если он в самом деле знал дом.

– Что вы имеете в виду?

– Там что-то неладно с замком, всегда не ладилось. Ключ поворачивается, но не до конца.

– Значит, дверь снаружи можно открыть?

– Ну если по ней посильней стукнуть. Посторонний подумает, что она заперта.

– Но тот, кто знает дом изнутри, он бы дверь открыл, да?

– Да, пожалуй.

– И вот он вошел внутрь и, зная расположение дома, мог бы пойти наверх?

– Ну, если бы у него духу хватило.

– Чтобы убить, требуется немалое присутствие духа.

– А зачем ему было идти в комнату мистера Росса?

– Возможно, он хотел с ним повидаться.

– Тогда почему он не направился в спальню? Ведь мистер Росс только изредка, когда хотел прилечь ненадолго, пользовался той комнатой. Раньше-то это была комната мистера Гарри...

Я едва удержался, чтобы не ахнуть.

– Разве не более вероятно, – сказал я, – что он решил, что в доме никого нет, и страшно перепугался, когда обнаружил кого-то в этой постели? А потом увидел, что мистер Росс просыпается, и с перепугу прижал ему подушку к лицу, чтобы тот не поднял тревогу?

– А что, вполне... Но чем вы докажете, что так оно и было на самом деле?

– Не знаю... пока.

Так или иначе, было похоже, что я продвинулся в своих разысканиях вперед.

В тот же день, отобедав, я прогулялся до проулка Литл-Дэвид-лейн. Дверь в стене открылась легко, и я попал в неухоженный сад Россов, где, судя по его виду, давненько никто не прогуливался. На полпути к дому стоял летний домик, вроде застекленной беседки. Я зашел туда посидеть на деревянной скамейке, покурить и собраться с мыслями. Только отбросил спичку, как взгляд мой зацепился за окурок, валявшийся у моих ног. Кто знает, может, он валялся там много лет, в беседке было достаточно для этого сухо, и все-таки я внимательно его осмотрел. На нем была маркировка: «X.X.X.»

Я так и сел. Сердце застучало в моих ушах. Я вспомнил, как Гарри Росс предлагал мне сигарету. «Хотите? Они, правда, дешевые. Отец говорит, только африканцы могут курить такое, но зато это курево мне по средствам. Я беру его у одного парня на Хаундсдич-стрит». Табак оказался такая дрянь, я едва было не задохнулся. В жизни не курил таких крепких. И вот теперь я поднял с полу окурок именно этого, бесспорно, редкого сорта. Я внимательно осмотрелся и обшарил весь пол. Другого окурка не обнаружил, но зато нашел обгорелую восковую спичку. Долго я там сидел, держа на ладони две эти находки...

Поначалу казалось, что я достиг чего-то значительного, но на кого, кроме меня, производят впечатление эти улики? Убедить англичан в отцеубийстве всегда непросто. Куда охотней они верят в преступных жен. Женам порой из брачных уз выход один – смерть, тогда как у молодых людей в наличии другие лазейки. Они могут уехать, так или иначе заработать себе на жизнь, они не связаны обетами и чувством долга. Ну хотя бы таким, тяготу коего ощущают на себе многие жены... Что у меня есть? Рассказ юного Росса, лживость которого я могу доказать, его собственное признание, что в ту ночь он находился поблизости от места преступления, нескладную его повесть про то, что повлекло его в Селби. Все это вряд ли растопит сердца присяжных. Да, было жизненно важно убедить суд в том, что в ту ночь он был в доме, а я понятия не имел, как это сделать...

Люди Крука работали эффективно. Через двое суток у него было чем меня порадовать.

– Гарри Росс, твой приятель, любитель пожить, – сообщил он. – И должен сказать, попал в такой переплет, хуже некуда. Я тебе говорил, что там фигурирует букмекер, причем на редкость настырный. Из тех скользких типов, что намылятся пойти в суд, если поймут, что у должника есть папаша, причем папаша при деньгах. И если тот платить все-таки откажется, то для сыночка это может кончиться очень и очень нехорошо. Гарри, надо думать, пообещал в счет долга, что отец даст ему займы, и ему позарез нужны были деньги, чтобы не влипнуть по уши.

– Значит, он явился к отцу в тот вечер. Не думаю, что разговор состоялся. Но в доме он все-таки был.

– Ты в этом уверен?

Я предъявил сигарету и спичку. Крук присвистнул.

– Неплохо! Когда он там был открыто в последний раз?

– Да почти уже с год не был. Так что улики свежие.

– И никто больше в доме таких не курит?

– Никто. Больше того, скажу, похоже, в саду и не бывает никто. Там царит полное запустение.

– Писатели! – фыркнул Крук. – Словечка в простоте не скажут. Надо же, запустение там царит...

– Ладно тебе, – обиделся я, – лучше послушай, что дальше. – И я рассказал ему про свой разговор с Мартой. – Ты бы направил своих людей выяснить, как Гарри Росс на деле провел ту ночь.

– Благодарю! – рявкнул Крук. – Понадобится профессиональный совет, обращусь к тебе. Ты прямо излучаешь уверенность. Что, думаешь, миссис Росс знала об этом?

– Уверен, что нет! – страстно воскликнул я и сам себе поразился.

– Откуда такая уверенность?

– Ну откуда ей знать?

– Например, она могла вернуться домой, когда он был там.

– Нет, тогда она непременно проговорилась бы либо на следствии, либо во время суда.

– Да толку-то. Кто поверит, что дельце было не подстроено?

Я откинулся на спинку стула подумать.

– Ох, что, если следующий суд сочтет ее виновной?

– Это как в старой сказке. Зачем умирать двоим, если достаточно одному? Публика легко поверит, что они любовники. Публике чем пикантней, тем лучше.

– Вернулась домой она только к половине двенадцатого. Если мы докажем, что в это время он был где-то в другом месте...

– Предупреждаю тебя: нельзя хотеть многого. Ну, ладно, следующий шаг за нами. Я тебе позвоню.

– Не забывай, – сказал я, – от этого зависит жизнь миссис Росс.

– И моя репутация. Ты тоже помни об этом, Арнольд. Не бог весть какая, что и говорить, но все-таки – моя.

Из конторы Крука я вышел взбудораженным. Доказать, что сигаретный окурочок оставлен в беседке в день убийства, понятно, никак нельзя, но и парню будет непросто объяснить, как окурочок там оказался. И еще... Все тот же вопрос приводил меня в бешенство. Было между ними что-нибудь или нет? Узнаю я это когда-нибудь? Когда я сказал Круку, что теперь у меня в Лондоне есть жилье, и назвал адрес, он вскипел.

– Зачем? Скажи мне, какого черта ты это сделал? Что, не читал никогда «Алису в Зазеркалье»? А, читал? Ну, тогда должен знать, что бессмертная зануда, героиня этой истории, достигла своей цели только потому, что убегала от нее прочь. Именно так поступают лучшие детективы. Как только парень поймет, что ты его подозреваешь, ты будешь все равно что грабитель в маске, который ворвался в дом с ломом в руке и кинулся к даме, на которой самые красивые жемчуга. Тогда как следовало бы вырядиться в крахмальную рубашку и вести себя таким джентльменом, чтобы никто не заподозрил и разницы.

– А что, разница есть? – спросил я.

– Ну, по правде сказать, – хмыкнул Крук, – ничему полезному в Итоне и Харроу мальчиков не учат, но поразительно, как быстро они все схватывают. Вот спроси, например, Билла Парсонса.

– Не думаю, что Гарри насторожится, – возразил я. – Я зачислил его в соратники.

– И если у него аналитический ум, как преступнику полагается, он непременно спросит себя, с чего это вдруг, – ухмыльнулся Крук, и я встал, чтобы попрощаться.

Глава 7

Через три дня начали приходиться анонимные письма.

Прежде всего мне позвонила Банти. Из уважения к чувствам ее отца я, расследуя дело миссис Росс, держался от невесты подальше, чтобы ее не компрометировать. Я знал, что она за человек, надежная, как камень, и честная, как дневной свет. Я даже не ставил в упрек то, что она появляется на людях с Дерекком Маркэмом и прочими молодыми людьми, которые стоят в очередь, чтобы сопровождать ее. Такая девушка не может не пользоваться успехом, а я в сложившихся обстоятельствах зачастую компанию ей составить не мог. Вернувшись из Лондона, куда ездил повидаться с издателем, я нашел записку от Банти: «Если можешь, зайди сегодня ко мне».

Конечно же, я пошел. Полковника, мне на радость, дома не оказалось. Миссис Фрайр всегда держалась в тени, да и в любом случае ее можно было не принимать во внимание. Интересовалась она в основном филантропией. Положительно, это загадка, как она умудрилась родить на свет такую дочку, как Банти. Та меж тем выглядела очаровательно, но была крайне обеспокоена.

– Ричард, милый, можешь ты кое-что для меня сделать?

– Все, что угодно.

– Обещаешь?

– Сначала скажи, что именно я тебе обещаю.

Она помолчала.

– Я хочу, чтобы ты отказался от этого дела.

Я уставился на нее в изумлении:

– Банти! Да ты не понимаешь, о чем говоришь!

– Это ты не понимаешь: не понимаешь, в какой ты опасности.

– Я? В опасности? Ты имеешь в виду, что я могу влюбиться в нее?

– Нет-нет! Об этом я даже не думала. Ты сказал мне... Ты сказал...

– Что ты единственная женщина на земле, на которой я хотел бы жениться, – закончил я за нее. – Короче говоря, ни малейшей опасности!

– Вот. – Она протянула мне руку, которую все время разговора держала за спиной, и я увидел стиснутое в пальчиках письмо.

– От кого?

– Не знаю. Оно без подписи.

– Такие письма следует сразу бросать в огонь, – строго сказал я.

– А вдруг это правда?

– Что именно?

– Прочти.

Я взял у нее конверт и достал оттуда листок дешевой бумаги, которую можно найти в любом бюро машинописи. Подписи не было, только две строчки, напечатанные на машинке:

«Если ваш приятель дорожит своей жизнью, пусть отстанет от дела
Росс. Передайте ему это».

Мелодраматично до чрезвычайности.

– Как ты можешь принимать такое всерьез! – сказал я.

– Еще как могу! Будь же рассудителен, Ричард. Разве ты не видишь, что тот, кто это послал, вероятно, убийца, а тому, кто единожды убил, ничего не стоит убить еще раз!

За эту мысль я сразу схватился.

– Значит, ты признаешь, что миссис Росс не убивала своего мужа?

– Н-не знаю...

– Ты сказала, что этот человек, тот, кто прислал письмо, вероятно, убийца.

– В ином случае зачем бы он его написал?

– Вот именно! Это означает, что он или она опасаются, что я что-то найду. Разве ты не видишь, милая, что останавливаться мне никак нельзя?

– Даже если я тебя попрошу?

– Но как я могу? На кону жизнь женщины!

– На кону твоя жизнь, и для меня это гораздо важнее.

– Благослови тебя Бог, милая, но если я сейчас отступлюсь, из одной трусости отступлюсь, и ее повесят, мы всю жизнь спать спокойно не будем.

– Нет, я бы ее забыла.

– Ты – да. Но я не смогу. Не усложняй мне жизнь еще больше. Ладно, милая? Представь, в конце концов, что я был бы солдат. Нас бы разлучили, я бы рисковал своей жизнью. Это такая же работа, не сделать ее нельзя. Я ведь не сам вызвался в присяжные заседатели, но раз это произошло, я не могу избавиться от ответственности.

– А как же это? – Она постучала пальчиком по письму.

– Видимо, на этот риск мне придется пойти. И если я и раньше был настроен решительно, то сейчас просто вдвойне.

– Значит, даже ради меня...

– Милая, я же все объяснил. Я не могу.

Двадцать четыре часа спустя пришло второе письмо, также без подписи. На этот раз адресовано оно было мне, а на конверте была местная почтовая марка. «Помни, что благо-разумие – лучшая часть доблести, и пока можешь, уноси ноги». Бумага была такая же, как и в первом письме, и шрифт тоже.

Я пошел к Банти показать ей письмо.

– Интересно, много ли пишущих машинок у нас в городе, – сказала она.

– Думаю, много. Конечно, тот факт, что на конверте местная марка, ни о чем не говорит.

Наклеить ее могли для отвода глаз. Может, письмо совсем не из Марстона.

– Возможно. И все-таки... – Я видел по ее ясному взору, что она сосредоточенно думает, но не стала говорить о чем, объяснив: – Я хочу помочь тебе, Ричард, а не сбить с толку.

– Обещай мне, что не будешь вмешиваться, – попросил я. – Только этого не хватало!

– Я уже вмешалась, – безмятежно сказала она.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не можешь вмешаться во что-то и оставить меня позади.

Вот что с ней поделаться, с такой девушкой!

Корреспондент наш, однако, не унимался. В конце недели он прислал третье письмо, опять адресовав его Банти.

«Передайте своему приятелю, что у него всего двадцать четыре часа на то, чтобы переменить решение».

Банти разволновалась:

– Неужели ты не видишь, Ричард, кто бы это ни был, он ни перед чем не остановится. Ты должен сдать. Мертвый, ты миссис Росс ничем не сможешь.

– Неужели ты не видишь, – с равной силой возразил я, – что это блеф? Сдаться! Еще чего! И вот сдамся я, предположим. Как он тогда, наш приятель, об этом узнает? Поверь мне, милая, это блеф и ничего больше!

– Но почему?

– Потому что я опасен. Потому что, возможно, я на пути к разгадке. Вот почему.

– Что мне за радость от того, что ты на пути к разгадке, когда этот путь приведет на кладбище! – воскликнула Банти.

– Ну не могу я сейчас сдаться, – вздохнул я. – Ты должна это понять.

– В таком случае изволь провести следующие двадцать четыре часа здесь, при мне!

– И рисковать тем, что ты тоже получишь пулю в голову? Нет, милая моя, ни за что.

– Ты, наверное, очень много о ней думаешь, о миссис Росс, – заметила Банти, впервые выказав подозрения.

– Ну не о себе же мне думать, и хотел бы я знать, как ты сама на меня посмотришь, если я брошу сейчас это дело вопреки своим убеждениям и только потому, что мне угрожают!

В общем, планов своих назавтра я не поменял. Как собирался поехать в Лондон посоветоваться с Круком про письма, так и поехал.

«Вряд ли он особо расстроится, если меня подстрелят, – подумал я. – Скажет скорее всего, что сам виноват, дескать, не лез бы лучше на авансцену. Гонорар – вот единственное, что волнует его по-настоящему».

В тот день я немало времени провел на публике. Никто не угрожал моей безопасности, хотя я, что называется, многих задел плечом. При этом я заметил, что подсознательно тяготею к людным местам, не срезаю путь и не задерживаюсь в пустынных проулках. Банти со мной обедала, а потом мы пошли в кино. Вечер, однако, не удался. Банти была рассеянна, разговор поддерживала вяло, фильм смотрела без особого интереса. Считала, что враг под боком и трагедия может случиться в любой момент.

– Да ведь это не фильм про гангстеров! – не без раздражения заметил ей я. – Мы в Англии, где идет двадцатый уже век!

– И случаются самые удивительные вещи, – не без сарказма подхватила она.

После кино мы пошли выпить чаю в знаменитый паб «Серый гусь», где, как утверждают, скрывался Карл Второй, когда был в бегах. Там роскошная дубовая лестница и дверь в несколько дюймов толщиной с тяжелым засовом, а под крышей вам покажут чулан, в котором водится привидение. Легенда гласит, что в чулане прятали таинственное дитя, которому предназначено было стать наследником трона, но придворного, который его охранял, зарубили, прежде чем он успел открыть правду, и лишь много времени спустя под дверью нашли полусгнившее тельце. Эта печальная история еще больше усугубила настроение дня. Банти вбила себе в голову, что мне в тот чулан заходить опасно, и отказалась подняться хотя бы взглянуть на него.

– Но ведь никто не знает, что мы собирались сюда зайти! – уговаривал я тщетно.

– Хотелось бы мне, чтобы ты не ездил завтра в Лондон, – проговорила она. – Хотелось бы мне, чтобы ты был у меня на глазах. Хотелось бы мне, чтобы полиция не арестовывала людей за убийство, не доказав, что они виновны. Хотелось бы мне, чтобы ты мыслил не как автор детективных романов. Хотелось бы мне, чтобы мы были женаты и далеко-далеко отсюда.

Последнее ее желание я сердечнейшим образом разделял.

Было довольно поздно, когда я доставил Банти домой, пообещав, что позже вечером позвоню ей, чтобы уверить в своем благополучии. Ее дождался Дерек Маркэм, слонялся по саду в компании полковника Фрайра. Оба они подошли к калитке.

– Думал, ты уже не вернешься, – проворчал полковник.

– Мы чудесно провели день, – улынулась отцу Банти.

– Ты выглядишь усталой.

– Я превосходно себя чувствую. Как ты, Дерек?

Если кто выглядел усталым, так это Дерек.

«Еще бы, – подумал я. – Он тут уже час, а час разговора с полковником Фрайром вымывает кого угодно».

– Думал, мы с тобой куда-нибудьходим, – мрачно на меня покосившись, сказал он Банти.

– Сегодня нет, не смогу, – не глядя на меня, быстро отозвалась она. – Мне сегодня надо быть дома.

– Да отчего же? – удивился я, но она покачала головой.

– В другой раз, Дерек. До свидания, Ричард. Дай мне знать... Ты знаешь о чем.

Полковник явно был зол из-за того, что я задержал его дочь и она отказалась провести вечер с Маркэмом. Внезапно мною овладела усталость, словно я пробираюсь сквозь кустарник и колючки вонзаются в меня на каждом шагу. Отчаянно захотелось, чтобы эта история закончилась, Виола Росс вышла на свободу, а я благополучно женился на Банти. Мне стало страшновато, но я знал, что бояться никак нельзя.

С мыслями о будущем я вернулся домой.

Жил я в маленькой квартирке на первом этаже. Стеклопанные двери гостиной выходили в каменистый садик, усаженный лавровыми кустиками. Открыв входную дверь, на мгновение я застыл на пороге: показалось, что в квартире на удивление холодно. С утра день был теплый, но после полудня поднялся северный ветер, и мне показалось, что он прогулялся по комнатам и выстудил их. Я протянул руку, чтобы включить свет, нажал на кнопку, но ничего не случилось. Странно, лампочку недавно меняли, однако она не вспыхнула, залил светом пространство, и я по-прежнему стоял в темноте. Сунув руку в карман, я достал спички. Чиркнув, поднял руку над головой и сделал шаг в комнату. Что-то сверкнуло, раздался взрыв, я отпрыгнул. Спичка погасла. Пока я зажигал вторую, эхо взрыва замолкло, и в комнате установилась тишина. Мне казалось, что от резкого шума все в доме должны проснуться, но этого не произошло. Еще с минуту я стоял в темной комнате – по-прежнему ничего. Опять зажег спичку, посмотрел на светильник и увидел, что лампочки в нем нет. Тогда я вернулся в холл, вывернул там лампочку из патрона и вернулся в свою гостиную. Ввернул, зажег свет, огляделся и понял, почему так холодно. Дверь в сад, которую, уходя, я оставил чуть приоткрытой, была распахнута настежь. А у моих ног на ковре лежал моток толстой черной бечевки, о который я, видимо, и споткнулся. От мотка бечевка вела к двери в сад. Это старый трюк, хотя сейчас к нему прибегают редко. Устанавливаешь оружие в подходящем месте, привязываешь бечевку к спусковому крючку, другой конец ее протягиваешь так, чтобы жертва, войдя в комнату, непременно ее задела, а сам прячешься где-то подальше. Жертва входит, натывается на ловушку, падает, ружье стреляет, и хотя цель в любом случае достигнута – несчастный если не покалечен, то перепуган, у этого метода есть свои недостатки.

– Это, – мрачно сказал я себе, – прекрасный повод обратиться в полицию.

Я туда позвонил, и ответил мне сержант Фишер.

– Кто говорит? – осведомился он.

– Моя фамилия Арнольд.

– Какой именно?

– Ричард Арнольд.

– Это у вас пропал силихем-терьер?

– Нет, не у меня. Нет у меня силихем-терьера и никогда не было. Не люблю силихемов. Если заводите собаку, то уж, конечно, не силихема.

Фишер сказал в сторону:

– Нет, это не про собаку, – а потом мне: – Тогда в чем дело?

– Думаю, попытка убийства, – вздохнул я.

– Домашние дразги, – в сторону сообщил он.

– Ничего подобного! – возмутился я – Кто-то пытался убить меня в моем собственном доме!

– Вы бы лучше пришли в отделение и толком все рассказали, – неспешно произнес Фишер. Думаю, что и Судный день не потревожит нечеловеческого спокойствия полицейских. Подобно докторам, они просто непробиваемы, пока кто-то не обратит свои ружья против них.

– Лучше будет, если вы придете сюда, – сказал я. – Разве вам не следует произвести осмотр места преступления?

– Есть убитые?

– Нет, благодарение Богу, я спасся.

– А что произошло, сэр?

– Всего лишь трюк с бечевкой, привязанной к спусковому крючку.

– Ага! Так что же случилось?

– Приходите – увидите, – сердито сказал я и бросил трубку.

Фишер явился без излишней поспешности и отнюдь не отличался сметливостью. С серьезным видом выслушал, что я имею ему сказать, и склонился над бечевкой, которая по-прежнему тянулась к выходу в сад.

– Есть какие-то соображения, сэр, с чего вдруг кому-то вздумалось вас убить? – спросил он, а мне пришло в голову, что из него вышел бы отличный дворецкий. Имелась у него такая обходительность, которая была бы уместна на сцене, где, на мой взгляд, все вечно преувеличено.

– Есть. Убить меня хочет человек, которому не хочется, чтобы его самого убили, согласно закону, – сказал я.

Физиономия Фишера приняла страдальческое выражение. Один к одному преданный дворецкий выражает свое неодобрение юному наследнику, попавшему в переделку.

– То есть?

– Этот тип, кто бы он ни был, знает о моей деятельности в связи с делом Росс.

Сержант поджал губы.

– А, так вы все-таки настаиваете на своем? – На этот раз он не прибавил почтительно «сэр».

– Мои убеждения не претерпели никаких изменений, – сообщил я.

Фишер пожал плечами. Похоже, в его глазах я был все равно что еретик, в Средние века вышедший из рядов правоверных, дабы создать собственное вероучение, и во время ближайшего аутодафе инквизиция сожжет меня на костре. Таким образом, он дал мне понять, что, поскольку с полицией я во мнениях расхожусь, ждать от нее защиты с моей стороны нелогично.

– Короче говоря, вот факты. Придя домой, я обнаружил, что лампочка в гостиной вывернута, дверь в сад нараспашку и мне подстроена смертельная ловушка.

– Вы нашли оружие, сэр?

– Нет. Тот, кто это задумал, видимо, дожидался, чтобы увидеть, увенчается ли его план успехом, и когда увидел, что нет, убежал.

– И успел забрать оружие?

– У него было на это время. Пока я пришел в себя, пока сходил за лампочкой, пока пересек комнату...

Фишер подошел к стеклянной двери в сад.

– Так. Бечевка оборвана... нет. – Он наклонился поближе, вглядываясь. – Обрезана! И похоже, что ножницами. Странно, однако. На мой взгляд, в таких случаях пользуются ножом.

– А на мой взгляд, все эти бечевки ему следовало смотать и забрать с собой, – сказал я. – Случается, преступника выдает улика и менее заметная, чем бечевка. Помните Робинсона и спичку, испачканную в крови?

На Фишера моя эрудиция впечатления не произвела. Он осматривал ветку.

– Видите, она за сучок зацепилась. Вот отчего ему пришлось обрезать ее, бечевку эту. Наверное, он дожидался, чтобы забрать пистолет или что у него там, чтобы его по нему не вычислили. Вы сказали, пуля вас не задела?

– Нет, попала в стену. Вам придется ее выковырнуть. Стену испортите. Хозяин вряд ли обрадуется. Так-так, значит, этот парень и впрямь имел в виду то, что он обещал.

Фишер рывком обернулся, впервые выказав живой интерес.

– О чем это вы?

– Он сказал, что если я не угомонюсь, то эти двадцать четыре часа будут в моей жизни последними.

– Сказал?

– Да.

– Кто сказал?

– Надо полагать, тот, кто устроил тут фейерверк.

– Но кто это был?

– Увы, этого я не знаю. Он не подписывается.

– А! Так вы про анонимные письма!

– Именно.

– Сколько их было?

– Одно мне и два – мисс Фрайр.

– Ух ты! Мисс Фрайр? – Он присвистнул. – А ей-то зачем?

– Автор письма, видимо, считал, что она имеет на меня влияние.

– Вот как? Ну, вряд ли это сработало.

– Конечно. И не могло.

– Прямо так и написал, что намерен подстрелить вас сегодня?

– Написал, что если я это дело не брошу, то работы у гробовщика прибавится.

– Но вы не бросили?

– Признаться, ничего особенного я сегодня не делал, за исключением того, что позвонил в Лондон приятелю, с которым в этом вопросе сотрудничаю. Но каким образом мошеннику удалось об этом прознать, остается загадкой.

– Ну, может, решил не рисковать.

– Похоже на то.

– У вас есть эти письма?

– Да, здесь, в ящике стола.

– Я хотел бы взглянуть на них. Вы догадались сохранить конверты?

– Разве я не автор детективных романов? – ухмыльнулся я. – У меня все в комплекте.

От двери в сад я перешел к письменному столу и рывком открыл ящик. Я точно помнил, что письма там. Однако в ящике их не оказалось. Я поискал проформы ради во всех других ящиках, но было понятно, что труд напрасный. Испарились, как не бывало.

– Хладнокровный, однако, какой, – сухо прокомментировал Фишер.

– Он мало чем рисковал, – сказал я, взмахом руки охватывая окрестность. Дело в том, что такие квартиры, как моя, переоборудованы из квартала старой застройки и лишены ряда преимуществ, коими обладает жилье современное. Однако у них есть свои положительные черты. Комнаты в них просторные, воздуха много, выстроены они на совесть, соседские шаги за стеной и над головой не слышны, а кроме того, им присуще свойство, которого в новых домах ни за что не найти: в них чувствуется пространство и время. Им к лицу старомодная мебель, они основательны и даруют покой. Несколько раз я пытался поработать в современных квартирах и гостиницах и всегда безуспешно; атмосфера там пронизана спешкой. А у каждого из пяти строений, объединенных в многоквартирный дом под названием «Кларенс-Хаус», имеется позади маленький садик. Огорожены они не очень высокой сте-

ной, на которую любой может взобраться, а поскольку выходит стена на обширный пустырь, то прийти и уйти можно незамеченным. Да и через парадную дверь выйти вполне можно, никто и внимания не обратит. В доме поселились несколько новых жильцов, так что незнакомое лицо особых вопросов не вызывает.

– Что, желаете осмотреться? – спросил я.

– Привычка. – Фишер освоился уже до такой степени, что улыбнулся. – Но ведь вы, надо полагать, уже все обошли? Вряд ли он особенно наследил.

Обследовав комнату, он вышел в сад, однако дождь, который лил последние две недели, лишил нас всякой надежды обнаружить следы. Фишер подозвал полисмена, который обходил с дозором квартал, спросил, не видел ли он, чтобы кто-то лез через стену, на что тот сказал, что нет, не видел.

– Ну, конечно, он делал это не напоказ, – кивнул Фишер. – А потом не обязательно ему было перелезть здесь. Он мог добежать вон туда, откуда попадешь на строительную площадку.

Из принципиальных соображений он довершил осмотр, но оба мы особых результатов не ожидали.

– Надо ли делать это достоянием общественности? – поинтересовался я.

– Когда мы сочтем это необходимым, мы предпримем шаги, – уклончиво сказал Фишер.

Глава 8

Сержант Фишер ушел, а мне пришла в голову мысль. Я поднял телефонную трубку и назвал лондонский номер миссис Джаджес. Когда мне ответили, я спросил, нельзя ли поговорить с Гарри Россом.

– Что-то я сомневаюсь, что он дома, – ответил мне женский голос. – Предупредил, что обедать не будет.

– А не могли бы вы посмотреть? – попросил я. – Это очень важно.

Ждал я, мне показалось, сто лет. Наконец, женщина вернулась.

– В комнате его нет. И весь день не было. Я вспомнила, он сказал: придет около одиннадцати.

Я кинулся к железнодорожному расписанию. Предположим, что это Гарри Росс дождался меня среди лавровых кустов.

Если он поторопился прочь, когда хлопнул выстрел, то мог поспеть на поезд, который доставил бы его в Лондон примерно в 9.30. Я снова поднял трубку и позвонил на вокзал. Начальник станции был мне знаком, и я попросил, чтобы подождали его.

– Алло, – сказал я. – Это говорит мистер Арнольд. Мистер Гарри Росс обещал приехать сегодня, я его жду, но пока он не прибыл. Вы, случайно, его сегодня не видели?

Марстон – небольшой городишко, и приезды-отъезды его обитателей незамеченными не остаются. Бэббидж сказал, что сам-то он Росса не видел, но если мне угодно, наведет справки. Навел, и выяснилось, что юного Росса на станции никто не примечал.

Назавтра, собираясь в Лондон повидаться с Артуром Круком, я услышал телефонный звонок.

– Ричард, – зазвенел в трубке голос Банти, – на тебя было покушение!

– Безуспешное.

– Следующая попытка может увенчаться успехом.

– Что, думаешь, будет и следующая?

– Разумеется. Ты представляешь опасность. Ах, Ричард, прошу тебя, оставь это дело!

– Из трусости? Банти, ты это серьезно?

– Да, очень даже серьезно. Жизнь дороже. Не хочу увидеть тебя в гробу.

– Да и я не хочу, чтобы кто-то из нас оказался в нем раньше времени, – сдержанно сказал я. – А кроме того, этот тип, кто бы он ни был, опасен. Его необходимо поймать. Как я могу сейчас все бросить? Полиция завела дело. Фишер начал расследование.

– У него имеются какие-нибудь соображения?

– Полицейские с нами не делятся, милая, но одно соображение Фишера я тебе перескажу.

– Да?

– Суть его в том, милая, что я заслуживаю того, что валится мне на голову, поскольку сомневаюсь в полиции.

– Я хочу, чтобы ты был у меня на глазах! – жалостно воскликнула Банти.

– Сегодня можешь быть спокойна. Я еду в Лондон.

– Лондон еще хуже, чем Марстон! Вечно там всякие случайности и происшествия!

– Опасаться нам следует не происшествий, – мрачно ответил я.

– И я об этом. Можно, я поеду с тобой?

– Нет. Ни в коем случае.

– Обещай, что вечером позвонишь мне.

– Обещать не могу. Может не получиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Что не знаю, где окажусь вечером и с кем. Вдруг не смогу позвонить, а ты начнешь воображать себе всякие ужасы.

– Я все равно буду их воображать.

– Лучше скажи, чем ты сегодня займешься?

– Меня Дерек приглашал куда-то пойти.

– И пойди, и прекрасно, – сказал я. – Развеешься.

– И все-таки позвони мне, если сможешь.

– Постараюсь, но дай мне слово, что если не позвоню, ты не решишь, что я валяюсь в покойнице.

Мы попрощались. Нельзя сказать, что расстановка сил меня радовала. Понятно было, что чем скорее я разберусь с этим делом, тем лучше.

Прежде чем уйти, я позвонил сержанту Фишеру, но тому нечего было мне сообщить.

– Тут вам полиция, а не пожарная команда, – с укором произнес он.

Приехав в Лондон, я незамедлительно отправился к Круку.

– Просил ведь не ввязываться, – неприязненно сказал он. – Как ты не понимаешь, что только усложняешь мне дело, не говоря уж о том, что, чего доброго, понизишь мне гонорар. Вот будь моя воля, я бы лозунг «Работник стоит столько, сколько ему платят» повесил в каждом доме над каждым обеденным столом.

– Ничего я тебе не усложняю, а, наоборот, добываю улики, – возразил я.

– С чего ты это взял?

– Разве ты сам не говорил мне, что если дать человеку достаточной длины веревку, он непременно повесится?

– Послушай, – со вздохом сказал Крук, – давай договоримся: веревкой займусь я сам.

– А как же все эти улики, – не сдавался я, – которые я тебе предъявил?

– Вот как раз этого ты и не сделал. Нечего тебе показать! Какой толк в истории с анонимными письмами, если ты позволил их выкрасть, прежде чем они попали мне в руки?

– Когда этот тип поймет, что у него ничего не вышло, он напишет другое письмо!

– Зачем? Он уже сказал тебе все, что хотел: дескать, не суйся.

– Лучше бы ты поинтересовался, как провел эту ночь юный Росс, – предложил я. – Дома-то его не было.

– Это ты уже разузнал, да? А сам он что говорит, где был, а?

– Еще не знаю, но могу выяснить. И уверен, что у него превосходное алиби, которое подтвердят шесть человек.

– Превосходное алиби, чтобы ты знал, – это когда подтвердить ничего нельзя, но и развенчать тоже.

Вышел я от него с укрепившимся намерением как можно скорее покончить с этой историей. Для Крука она всего лишь одно из множества дел, но для меня стала вопросом жизни и смерти. Я направился на Вэйн-стрит, гадая, застану ли Росса. Нет, не застал, но зато на лестнице столкнулся с Кенуордом. Тот, отработав ночную смену в своем гараже, зашел домой перекусить. Некоторое время спустя он постучал в мою дверь.

– Не одолжите ли табачку? – спросил он. – Сил нет как хочется выкурить трубку, а набить нечем. Можно было бы, конечно, сбежать в лавку, но там дождь...

Я предложил ему свой кисет и поинтересовался:

– А что, Росс дома?

– Нет, он тут только ночует, а днем его не застать.

– Да? А я пытался дозвониться ему вчера ночью.

– Он был на собачьих бегах, во всяком случае, собирался. Неблагодарное это дело, бега. Ловушка для дураков.

– Ну, может, если у вас есть там осведомитель...

– Да все равно, в бегах огромную роль играет элемент случайности. И потом у Росса нет осведомителя. Недаром он то и дело проигрывает.

– Удивительно! Отцу его претила сама идея тотализатора. Тот всецело был за надежность.

– И посмотрите, куда это его завело! Да, кстати, как продвигается дело? Открылись ли новые обстоятельства?

– Нет, к развязке мы ближе не стали.

– Похоже, лучше положиться на полицию.

– Не вполне так. Там есть темные места и до того темные, что мы даже еще не догадываемся насколько. Может, вы слышали что-нибудь о том, что Россу, например, угрожали?

– Нет. Насколько мне известно, об угрозах речи не было. Но, с другой стороны, он ведь не раскапывал это дело так, как вы.

– Мне нужно с ним повидаться, – сказал я.

– У него завелась работенка, знаете ли. Идет предвыборная кампания, и понадобились люди, чтобы надписывать адреса на конвертах. Но как только это закончится, он думает отправиться за границу. И правильно, там ему будет лучше. В Англии для таких, как он, нет места, а в колониях требуются люди, имеющие хоть небольшой капитал. И вообще там жизнь поинтересней будет, чем просиживать штаны в конторе или гоняться взапуски за скандальными новостями.

– Интересно, выиграл он вчера на этих собачьих бегах? – подумал я вслух.

– Вечером я его не видел. Сам ушел около девяти. Знаю, что ему кто-то звонил, потому что миссис Джаджес зашла ко мне спросить, не видел ли я его.

– Мне бы хотелось все-таки его застать, – заметил я. – В этом деле, по-моему, слишком много подводных течений.

– Да, и для него потолковать об этом будет полезно. Он что-то нервничает. Переживает, я думаю, из-за своей мачехи и страдает от чувства вины.

– Вины? С чего бы это? Он-то ведь ни при чем?

– Ну, косвенно все-таки при чем. Если бы ей не хотелось ему помочь, ситуация у нее дома не была бы такой напряженной и старый Росс был бы еще с нами. Так, во всяком случае, думает сам Гарри.

– Он так сказал?

– Да.

«Любопытно, – подумал я. – Из этого следует, что либо Росс верит в то, что его мачеха виновна, либо хочет создать впечатление, что он в это верит».

– Представляете, на днях он даже сказал, что подумывает, не пустить ли пулю в лоб. Невротик, – продолжал Кенуорд.

– А у него есть пистолет?

– Нет, не думаю. Скорее это фигура речи. Да и вообще тот, кто говорит о самоубийстве, никогда не убивает себя.

Кенуорд ушел, и я решил воспользоваться шансом. Комната Росса располагалась этажом ниже прямо под моей, вряд ли он ее запирает, и оставалась надежда, что обедать он не придет. На лестнице мне встретила миссис Джаджес, узнав, к кому я, она сказала, что обычно Росса днем не бывает, вряд ли мне разумно его ждать. Я ответил, что побуду еще немного, и когда она спустилась в подвал, вошел в комнату Росса.

Обставлена она была скудно: комод, кровать, стол и пара стульев. На столе пишущая машинка, покрытая матерчатым чехлом. Я замер как вкопанный. Конечно, Росс ведь начинающий журналист, у него должна быть пишущая машинка. Но смогу ли я убедительно доказать, что это именно та машинка, на которой напечатаны угрожавшие мне письма? Да, три первых утрачены, но могут прийти другие. Я взял листок бумаги, снял с машинки чехол и

настучал фразу: «Настала пора всем людям доброй воли оказать поддержку нашей партии». Затем смял листок в кулаке, накрыл машинку чехлом и прислушался. Было тихо, только из подвала раздавалось легкое постукивание тарелок, там мыли посуду.

В комнате Росса я пробыл не более минуты. Ни следа пистолета, но ведь я и не надеялся его найти. Спроси меня кто, я бы сказал наугад, что пистолет укрыт тиной и водорослями на дне речки, что протекает в нижней части Марстона. Даже если искать, не найдешь, речка быстрая и местами довольно глубокая.

В тот вечер я перехватил-таки Росса.

– Мне нужно кое о чем вас спросить, – сказал я.

– Да?

– Вопрос вот в чем. Вам не приходило никакой анонимной корреспонденции в связи с этим делом?

– Господи, нет! А вам?

– Мне да. Я заявил об этом в полицию.

– Надо же. Кто бы подумал, что вы так дружны с полицией.

– Я ведь плачу налоги, верно? Полиция на эти деньги работает. Так что когда моя жизнь в опасности, не вижу, почему бы полицейским не встать на мою защиту, независимо от того, дружу я с ними в данный момент или нет. В конце концов, если выбирать между жизнью и гордостью, я выбираю жизнь.

– А что, ваша жизнь в опасности? – Гарри Росс обратил ко мне какое-то помертвевшее вдруг лицо.

– Да, если на то пошло.

– На вашем месте я бы испугался.

– Так я испугался и давно. Но ко всему привыкаешь. И к страху тоже.

– И что, не боитесь на улицу выходить?

– Давайте проверим. Сходим в кино, а?

– Интересная мысль, – сказал Росс, – но, знаете, я не люблю кино. Давайте лучше на собачьи бега?

– Часто туда ходите?

– Довольно часто, да. Это, видите ли, скачки для бедняков.

Стоя у окна, которое было открыто, я наклонился вперед, чтобы посмотреть, кто там внизу. Мне показалось, что мимо проходит Билл Парсонс, подручный Крука, но уверенности в том у меня не было. Я высунулся в окно и вдруг почувствовал, что меня крепко обхватывают за пояс. От неожиданности я пошатнулся, Росс с силой дернул меня назад, и я благополучно вернулся в комнату.

– Да какого черта? – возмутился я.

– Мне показалось, вы сейчас вывалитесь! – воскликнул Гарри, совсем белый, так же, наверное, как я.

– Мне и самому так показалось.

– Эти окна расположены слишком низко от пола, они довольно опасны.

– В самом деле, – согласился я. Минуту мы помолчали, а потом я сказал: – Спасибо, что позвали с собой на бега. Пойду с удовольствием. А потом поужинаем, я приглашаю.

На этом мы разошлись.

Что я играю с огнем, я, понятное дело, знал, но случаются обстоятельства, когда такого рода риска не избежать. Никто больше меня не жаждал как можно скорее дожидаться конца этой истории, но это была одна из тех жизненных ситуаций, когда тебе труднее отступить, чем продвинуться. Я представил себе, как рассказываю эту историю Артуру Круку. Клясться, что Росс пытался вытолкнуть меня из окна, я бы не стал; ступня моя в самом деле соскользнула на дюйм-другой. Он скажет, что хотел спасти меня, и ему всякий поверит.

Я сходил в кино, потом зашел в паб на Беркли-стрит, а с Россом, согласно договоренности, мы встретились в семь тридцать и вместе отправились на Вуд-лейн. На платформах и крутых ступеньках омнибусов я держался настороже и не спускал с него внимательных глаз. Он, однако, казался вполне беспечным. На бегах, получив расписание забегов, он рассказал мне, на каких собак собирается ставить, по всей видимости, выбросив утреннее происшествие из головы. Мне с моими ставками везло, причем «везло» – это именно то слово. Про собак я знать ничего не знал и ставки делал наугад. Росс же, подходя к делу самым основательным образом, ни разу не выиграл. После скачек я повел его в бар угостить пивом с сэндвичами.

Расстались мы на лестнице пансиона миссис Джаджес. Он, правда, пригласил меня выпить на прощание виски с содовой, но я не рискнул.

Заперся у себя в комнате и долго не ложился спать, а сидел, писал письмо Банти, которой в итоге я так и не позвонил. Оставалось надеяться, что она получит письмо и простит меня. Я старался быть убедительным, в самом деле, рассказать мне было особенно нечего. Наклеив на письмо марку, я вышел, чтобы опустить его в почтовый ящик. В полуночную выемку оно уже не попало, но рано утром отправится по адресу и по крайней мере будет проштемпелевано сегодняшним днем.

Возвращался я по улице, освещенной редкими фонарями, в раздумьях о прошлом и будущем, о Виоле Росс и о Банти, о том, что различает этих двух женщин, о моем новом романе и о том, который я напишу, когда завершу этот. Шел я, не торопясь. У миссис Джаджес меня дождался матрас, который при знакомстве я хорошенько похлопал – встречались мне матрасы похуже, но спать мне пока не хотелось. Если улягусь, то, скорее всего, подобно принцессе на горошине, буду вертеться на нем без сна.

Я стоял у себя в комнате возле кровати, когда взгляд мой упал на подушку. Там сверкнуло серебром что-то тонкое. Через секунду у меня на ладони лежала длинная, очень прочная игла из тех, которыми вышивают ковры и которые, известное дело, порой идут в ход как оружие.

– Вот мило-то, – громко поделился я с тишиной. – Поверни я голову, и острие, продуманно оставленное снаружи, воткнулось бы мне в висок, или, например, в глаз, или в другое жизненно важное место, и вскорости лежал бы я в церкви под пение поминальной молитвы «Окончены его земные труды».

Я спрятал иглу в конверт и лег. Сегодня покушений на мою жизнь определенно больше не будет.

– Давай подумаем, – сказал я вслух. – Меня не было минут десять, не меньше, пока я уходил бросить письмо Банти. Перед тем я никакой иглы не видел, но доказать, что ее тут не было, когда мы с Россом вернулись, конечно, я не смогу. И все-таки соломка показывает, куда ветер дует. Завтра, надо полагать, случится что-то еще. Послезавтра... И далее... И так до конца, каков бы конец ни был.

Пожалуй, мне следует держать рот на замке, а глаза открытыми, чтобы не проглядеть те соломинки, которые показывают, куда ветер дует. Предоставь человеку веревку, сказал Крук. У меня есть окурки, бечевка, игла. Могут прийти еще письма. Толковый убийца затаивается и не предпринимает ничего, решительно ничего. А вот когда преступник умничает, пытается замести следы, его ждет разоблачение. Мне следует выжидать.

Потом я переключился на мысли о том, какие еще есть способы избавиться от человека. Преступник уже прибег к огнестрельному оружию, окну и игле. Остается смерть посредством утопления, отравления, удушения, ножа и колес поезда или автомобиля. Живой ум может еще, пожалуй, предположить и другие возможности, так что его обладатель поостережется спускаться в метро, садиться в речной трамвайчик, взбираться на гору, угощаться выпивкой за чужой счет. Я еще раз напомнил себе, что следует быть начеку.

Проснулся я ясным утром и сразу пошел в ванную. Однако, сбегая по лестнице, увидел, что меня опередил Росс. Тот взглянул вверх, услышав мои шаги, и невнятно сказал «Привет!»

– Привет-привет! – отвечивал я сверху. Он бросился по коридору, а мне пришлось вернуться к себе. Наконец, я услышал, как открылась дверь ванной, переждал минуту, чтобы снова не встретиться с Россом, а потом, захватив полотенца и губку, снова вышел на лестницу.

По коридору шла служанка со стопкой постельного белья, я дал ей спуститься вниз и только потом триумфально прошествовал в ванную.

«Если когда-нибудь разбогатею, – запирая дверь на задвижку, поделился я с паром, наполняющим комнату, – то выстрою дом, в котором ванная будет при каждой спальне. Ванные – значительный вклад, который цивилизация внесла в жизнь, и стыдно не воспользоваться им в полной мере».

Насыщенный паром воздух щипал глаза. Водонагреватель был старомодный. Я приложил руку к колонке и понял, что горячей воды мне хватит. Окно, отметил я мимоходом, заперто на шпингалет. Развесив полотенца на вешалке, я развязывал пояс халата, когда кто-то забарабанил в дверь.

– Мистер Арнольд! – раздался крик миссис Джаджес. – Вас просят к телефону!

– Не могу, я принимаю ванну!

– Это мисс Фрайр!

– Скажите ей, сейчас подойду! – крикнул я. Конечно, Банти волнуется, я ведь вчера ей не позвонил.

Банти держалась холодно. Холодно.

– Похоже, ты про меня забыл, – сказала она.

– Прости, милая, вечером мне пришлось выйти, и вернулся я поздно.

– Телефон у меня рядом с кроватью. Можно звонить в любое время.

– Но тут только один аппарат, и тот в холле. Если звонить ночью, перебудешь весь дом. – Это не вполне соответствовало действительности, но в качестве оправдания сошло.

– Боже мой, как все публично! Ричард, ты в порядке?

– Ну, конечно!

– Ничего «ну, конечно» тут нет. Когда ты возвращаешься?

– Пока не знаю.

– Ты мне нужен.

– Зачем? Что, произошло нечто особенное?

– Да. – И после паузы: – Я получила еще одно письмо.

– Черт побери! Когда? Что там сказано?

– Пришло нынче утром. Конверт был надписан, и – только не сердись – я подумала, что это реклама, и бросила его в огонь. Конверт, я имею в виду, бросила. Я всегда так делаю. Но письмо у меня есть.

– Черт! – простонал я. – Нужен как раз конверт! Черт побери, Банти... – И тут я себя остановил. Какой смысл распинаться? Дело уже сделано. – И что там написано?

– Только одно: «Тебя предупреждали». Ричард. Я вне себя.

– Милая, со мной ничего не случится. Ты должна мне поверить. – И тут какое-то шестое чувство заставило меня повернуть голову. Раздался шорох шагов, и я увидел, как служанка сбегает по лестнице в подвал.

– Что такое? Ричард, ты там?

– Конечно, я здесь. Просто кому-то понадобился телефон. Я велел ему набраться терпения. Все в порядке, милая, ничего не случилось.

– Но случится, я знаю.

– Вечером я вернусь.

– У меня минуты покоя не будет, пока ты не придешь.

В таком духе мы могли продолжать весь день, и все-таки я завершил разговор и пошел по лестнице. На полпути мне встретила миссис Джаджес. В тот же миг приоткрылась дверь Росса.

– Доброе утро, – сказал я хозяйке. – Хотел попросить вас сказать своей помощнице, чтобы она не оставляла иголок в моей постели. – Говорил я нарочно довольно громко. – Разве вам неизвестно, что иголка может убить человека? Попадает в вену и бродит по всему телу.

– Вот бездельница! – воскликнула миссис Джаджес. – Я так и думала, что толку от нее не будет. Не верю я в это, знаете, смешение классов и не верила никогда. Не дело это, когда леди впрягается в черную работу. Конечно, у нее неприятности...

Я смотрел на нее, не улавливая, к чему она клонит.

– Видите ли, сэр, она никогда раньше такими делами не занималась. Служила кем-то в конторе. Ну, я ей так и сказала: благородная не благородная – впрочем, леди я бы ее не назвала, – хочешь тут работать, выноси помойные ведра да мой получше посуду. Не удивлюсь, если узнаю, что ее ищет полиция.

– Но я же не говорю, что иглу положили нарочно, – сказал я, подняв глаза на Росса, который как вкопанный замер на лестничной площадке.

Поднявшись к ванной, к возмущению своему, я увидел, что полотенца мои и прочее выброшены на площадку, а ванная заперта. Я постучал в дверь. Оттуда доносился плеск воды.

– Да кто там, дьявол его возьми? – возмутился я.

Как черт из табакерки, появилась миссис Джаджес:

– В чем дело, сэр?

– Послушайте, кто-то занял мою ванную!

– Ванная общая для всех, – заявила хозяйка.

– Но ее занял я!

– Полагаю, когда туда вошел мистер Филдинг, она занята не была, иначе бы он не вошел.

– Но вы сами вызвали меня к телефону!

– Что поделаешь, так оно получилось.

– Я знаю, как оно получилось, – я едва сдерживался, чтобы не заорать, – но так быть не должно. Там висели мои вещи!

– Мистер Филдинг – мой самый старинный постоялец, – с достоинством ответила миссис Джаджес, – не хватало еще, чтобы он весь день дожидался случая принять ванну. Да он там и ненадолго. Весьма проворный джентльмен мистер Филдинг, пусть даже ему скоро семьдесят.

Может, обычно мистер Филдинг и был проворным, но в то утро он своей репутации не поддержал. Кипя, с четверть часа я метался по комнате, а потом вышел на площадку и снова столкнулся с Россом.

– Приветствую еще раз! – сказал он.

– Кто такой этот мистер Филдинг? – злобно спросил я.

– Отличный старикан, любимец нашей хозяйки. По-моему, он полжизни уже здесь живет.

– И, похоже, большую часть этого времени проводит в ванной.

– В ванной? – удивился Росс. – Вы хотите сказать, он сейчас там?

– Вот именно. Он там почти что с того момента, как вы из нее вышли.

– Но я думал, сейчас ваша очередь!

– Я тоже так думал, но меня вызвали к телефону.

- Господи! Может, ему плохо? Как вы думаете, не стоит ли...
- Полагаю, он просто отмокает в горячей воде. Я согласен со стойками, которые находили, что склонность понежиться в ванне есть признак природы чувственной.
- Познакомившись с мистером Филдингом, вы поймете, что чувственности в нем не найти днем с огнем.
- Очень хотелось бы познакомиться, но для этого он должен выйти из ванной.
- Послушайте, что-то мне это не нравится. Не дай бог, он там в обморок упал или что...
- Я ему сейчас постучу.
- Не думаю, что миссис Джаджес это одобрит.
- И все же я постучу. – Он подошел к ванной и забарабанил в дверь.
- Простите, сэр! – выкликнул он и приложил ухо к щели. – Ни черта не слышно, – доложил он мне. – Вообще-то обычно слышно, как человек плещется.
- Может, он уже вытирается?
- Тогда почему молчит? Послушайте, сэр, вас к телефону! Вот что, Арнольд, нам следует что-то предпринять.
- Что именно?
- Ну, выбить эту дверь. К примеру.
- Волшебным образом снова возникла миссис Джаджес.
- Помилосердствуйте, мистер Росс, как можно! Если уж джентльмен не может в покое принять ванну...
- Дело в том, что нас тревожит, не вечный ли это покой.
- Что-то я не уразумею, мистер Росс, что вы такое говорите.
- Я пытаюсь сказать, миссис Джаджес, что мистер Филдинг находится в ванной уже полчаса, что оттуда не раздается ни звука и что он не отвечает, когда мы его зовем.
- К тому времени меня одолели самые мрачные предчувствия. Я принялся колотить по двери так, что дерево захрустело. К нашему хору присоединилась и миссис Джаджес:
- Мистер Филдинг! Мистер Филдинг!
- Я скажу вам, что там случилось. Человек немолодой, мог потерять сознание, соскользнуть под воду...
- Мистер Росс, как вы можете!
- Вы же сами видите, что-то не так! Послушайте, нам придется взломать эту дверь. Надеюсь, вы застрахованы.
- Мы с Россом налегли на дверь: задвижка, хоть и хлипкая, не поддавалась.
- Не ломайте филенок, – попросила миссис Джаджес. – Я схожу за отверткой.
- Нельзя ее ждать, – сказал я в совершенной уверенности, что нас ждет нечто страшное. – Надо поскорее открыть.
- Раньше я и не представлял себе, какая это работа взломать дверь. Мы по ней колотили, трясли ее и толкали; миссис Джаджес принесла лом; когда дверь, наконец, распахнулась, я влетел в ванную, как пушечное ядро.
- Боже милосердный! – воскликнул Росс и стал задыхаться. Я прижал ко рту носовой платок. Окно было закрыто, как я его и оставил, в воздухе стояла ядовитая вонь.
- Это колонка! – вскричал Росс. – Говорил же: надо сменить водонагреватель!
- Я склонился над телом, которое безжизненно лежало в ванне. Вода почти остыла, а бедняга совсем посинел.
- Угарный газ, – сказал я. – Немедленно вызовите врача. Мы с Россом вынесем его отсюда. И поставьте кипятить воду. Хотя, как это ни печально, сдается мне, уже поздно.
- Господи, – пробормотал Росс мне в ухо, – какой кошмар. Повезло вам, что это не вы.
- Думаете? – уронил я.

Мы принялись вытаскивать тело из ванны. Кто бы подумал, каким неподъемным может быть человек, когда он в бессознательном состоянии. Вытащив, наконец, укрыли полотенцами и понесли довольно неловко в его комнату, где миссис Джаджес уже укладывала грелки в постель.

– И еще у меня кирпич греется в духовке. Кирпич лучше любой грелки. А доктор придет через минуту. Что мы пока можем предпринять?

Мы попытались сделать несчастному искусственное дыхание.

– Я пойду вниз, – сказал Росс, но миссис Джаджес загородила ему дорогу.

– Побудьте здесь, прошу вас.

– Ну что, есть пульс? – в отчаянии спросил Росс.

– Пульса нет.

– Господи милосердный, – простонал Росс, – ну кто мог это предвидеть...

– Да перестаньте вы божиться, право слово, – рассердился я, – богохульство какое...

А, вот и доктор.

Длинный, сутулый, с пенсне на костистом носу, он смотрел на Филдинга.

– Что произошло?

– Водонагреватель. Наверное, угарный газ. Такого никогда еще не случалось.

– Такое случается на каждом шагу, – огрызнулся врач. – Эти старые водонагревательные колонки! Ну, коронер найдет что сказать.

– Ванная была в порядке, когда я из нее вышел, – возразил Росс.

– Может, и была, но что-то могло попасть в трубу, и газ пошел в комнату. Знаю я, как это бывает!

Наконец, мы разошлись, доктор сказал, что ничего поделать нельзя. Росс отправился в свою комнату. Я подумал, не позвонить ли Банти, но потом мне явилась другая мысль. Я, крадучись, вернулся к ванной. Услышав там тяжелое дыхание, я понял, что кто-то меня опередил. Неслышно я встал в дверном проеме. В ванной был Росс, с чем-то возился.

– Нашли что-нибудь? – осведомился я.

Он вздрогнул от неожиданности.

– Подумал, что надо проверить бак, – пробормотал он.

– На мой взгляд, полицейские предпочли бы сделать это сами.

– Тут какая-то затычка в трубе... Доктор прав. Господи! Газу выхода не было, и он шел сюда, а окно закрыто...

– Это вы его закрыли?

– Нет, оно было закрыто, когда я пришел, и я его не открывал.

– А могли бы открыть перед следующим посетителем, чтобы проветрить.

– Мне это как-то в голову не пришло.

– Отложите-ка эту штуку, – сказал я, глядя на затычку из грязной тряпки. – Полицейским потребуется взглянуть на нее.

– Ума не приложу, как она туда попала.

– Полицейские разберутся.

– Да, наверное. Покажу-ка я ее доктору. – Он направился в комнату Филдинга, и через минуту я услышал голос миссис Джаджес.

– Да, это моя тряпка. Нет, как она туда попала, не знаю... Ох, это меня разорит! Двадцать лет сдаю комнаты, и ничего хуже парочек без брачных лицензий не бывало, а тут такое...

Я дождался, когда доктор спустится в холл, чтобы узнать, понадобится ли мое присутствие на дознании. Меня не оставляла мысль, что в Марстоне для меня сейчас климат благоприятней, чем в Лондоне.

– Мне осталось только вызвать полицию, я как раз поеду сейчас мимо участка, так что туда загляну. Один в этом деле плюс, возможно, власти обратят, наконец, внимание на необходимость замены безнадежно устарелого оборудования. Люди задыхаются то и дело. Конечно, старик улегся в ванну, задремал и не заметил, как отравился.

– Он что, так и не понял, что происходит?

– Думаю, что нет. Скажу вам, что жизнь у него была не сладкая. Меня несколько раз к нему вызывали. Будь он помоложе годами и настороже, мог бы осознать опасность. Ну, что теперь говорить... Знаете, этот обычай отмокать в ванне сам по себе нездоров.

– Запомню это на всю жизнь, – сказал я, и он удивленно поглядел на меня. – Видите ли, это я должен был лежать в этой ванне. Да только меня, едва я начал раздеваться, вызвали к телефону, и старик юркнул в ванную, стоило мне из нее выйти.

– Да, что для одного удача, для другого – похороны. Что ж, я вас поздравляю. Нет, на дознании вы не нужны. Оставьте только свой адрес, на всякий случай. Мне пора. У меня на руках разрыв аппендикса и сложные роды, один бог знает, чем это обернется.

Глава 9

Раз коронер во мне не нуждался, я вернулся в Марстон и сразу же позвонил Банти.

– Я соскучился, – сказал я. – А потом хотелось бы увидеть письмо.

Мы уговорились встретиться в местном кафе. Когда я сделал заказ, она достала из сумочки листок бумаги. По виду бумага была той же, на какой напечатаны предыдущие письма, однако водяной знак был немного другой.

– Это поможет? – спросила Банти.

– Я оставляю его у себя.

– Зачем?

– Есть надежда отыскать пишущую машинку. Если это удастся, дело сделано.

Вернувшись домой, я сравнил это письмо и тот листок, что напечатал в комнате Росса. И шрифт оказался идентичным, и водяные знаки! Далее я решил предпринять следующее. Нет, я не отправлюсь с двумя этими листками в полицию. Гораздо лучше будет, решил я, если я добуду письмо от Росса, подписанное им самим и напечатанное на этой машинке. Я не сомневался, что достать такую улику особой сложности не представит. Поводом может послужить дознание по поводу смерти Филдинга. Я составлю свое письмо таким образом, что он будет вынужден на него ответить. Тогда я передам письма в полицию, и пусть там сами решают, как быть дальше. Фишер насчет писем скептически кривил губы, приятно будет увидеть, как его скепсис развеивается.

Отчет о дознании был опубликован в вечерних газетах, которые в Марстон пришли вскоре после обеда. Я не сомневался, что газетчики не пройдут мимо, такого рода дела всегда освещаются, а участие в деле Росса добавило ему интереса, ведь процесс по поводу убийства его отца стал криминальной сенсацией года по всей стране.

Старый Филдинг сам по себе никого особо не занимал. Он жил на пенсию, которую выработал, занимая скромный чиновничий пост. Было ему под семьдесят, и около девяти лет он обитал под кровом миссис Джаджес. Холостяк, он, похоже, не имел никаких родственников. Причин полагать, что он хотел лишиться себя жизни, на поверхности не было.

– Но ведь в равной мере нет и оснований считать, что ему хотелось продлить свое существование? – предположил коронер.

– Он никогда не заговаривал о самоубийстве, и ни малейших нет признаков того, что он думал о чем-то подобном. Жизнь его была не слишком сладка, но характер у него был жизнерадостный, и на существование свое не жаловался.

– Правильно ли я понял, что в трубе водонагревателя оказалась тряпка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.